

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Соловьева Ольга Николаевна

**ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С КОМПОНЕНТОМ ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кочеткова Татьяна Ивановна

Оренбург 2015

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Предикация и модальность. Место данных категорий в современной синтаксической науке.....	8
§1. Категория предикации и средства ее оформления	8
§2. Логический и лингвистический подходы в интерпретации модальности.....	20
§ 3. Оценочная модальность как функционально-семантическая категория. Средства выражения оценочной модальности.....	36
Глава II. Оформление предикации в двусоставных предложениях с компонентом оценочной модальности.....	50
§ 1. Оформление предикации в предложении с субъектом предложения, выраженным оценочным словом.....	51
§ 2. Оформление предикации в предложении с оценочным словом в функции объекта предложения.....	69
§ 3. Оформление предикации в бисубстантивном предложении с оценочным словом в роли предиката.....	85
§4. Оформление предикации в предложении с предикатом, выраженным оценочным прилагательным	98
§ 5. Оформление предикации в предложении с предикатом, выраженным оценочным глаголом.....	113
Заключение.....	130
Список литературы.....	134
Список источников.....	148

Введение

В современном русском языке, несмотря на плодотворные исследования в области предложения, проблема предикации (важнейший структурно - семантический центр высказывания) остается одним из главных вопросов синтаксической науки. В оформлении предикации значимую роль играет выражение модальных значений. Без рассмотрения данного взаимодействия (взаимодействия предикации и модальности) нельзя изучить те отношения, которые устанавливаются между говорящим (субъектом речи), содержанием предложения и описываемой действительностью.

Диссертационное исследование посвящено проблеме осуществления предикации средствами оценочной модальности в двусоставном предложении.

Оценочные слова, на наш взгляд, полифункциональны, т.к. способны выполнять не только номинативную функцию, но и номинативно-предикативную.

При разработке темы нами был проанализирован и систематизирован теоретический материал, представленный в трудах лингвистов: Е. В. Алтабаевой (Алтабаева, 2006); И. В. Артющкова (Артюшков, 2003); Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1976, 1978, 1988); Ш. Балли (Балли, 1955); В. А. Белошапковой (Белошапкова, 1967); А. В. Бондарко (Бондарко, 1971, 1984, 2001); С. С. Ваулиной (Ваулина, 1993, 2010); В. В. Виноградова (Виноградов, 1950, 1975, 1986); Е. М. Вольф (Вольф, 1985); Н. А. Герасименко (Герасименко, 1999, 2012); Г. А. Золотовой (Золотова, 1973); Н. В. Ильиной (Ильина, 1982); Т. И. Кочетковой (Кочеткова, 2005, 2014); В. А. Лаврентьева (Лаврентьев, 2007, 2012); В. В. Леденёвой (Леденёва, 1994, 2000); П. А. Леканта (Лекант, 1975, 1986, 2002, 2005, 2006, 2008); Т. В. Маркеловой (Маркелова, 1995, 1996); Е. Н. Ореховой (Орехова, 2011); А. М. Пешковского (Пешковский, 1938); Л.А. Сергиевской (Сергиевская, 1995); Ю. С. Степанова (Степанов, 1981); М. Ю.

Федосюка (Федосюк, 2008, 2013); Е. А. Чернявской (Чернявская, 2001); А. А. Шахматова (Шахматов, 1941); Н. Ю. Шведовой (Шведова, 1960) и др.

Объектом исследования являются двусоставные предложения, содержащие оценочный компонент.

Предметом исследования выступает предикация, оформляемая посредством оценочных слов в двусоставном предложении.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения предикативного потенциала предложений разного типа, что обусловлено, во-первых, недостаточной разработанностью проблемы предикации (как многомерной функции языкового выражения при разной ее лингвистической интерпретации), во-вторых, существующим исследовательским интересом к выявлению тех языковых способов и средств, при помощи которых оформляются разные виды предикации в предложении.

Актуальность заключается и в том, что исследование касается области семантического синтаксиса – одного из приоритетных направлений современной русистики. Кроме того, в диссертации наряду с исследованием предикативного потенциала двусоставных предложений исследуется и функциональный потенциал языковых единиц (в данном случае оценочных лексических единиц). Выявление функционального потенциала языковых единиц осуществляется на фоне установления взаимозависимости тех языковых категорий, без которых не может существовать предложение, – предикации и модальности. Изучение взаимосвязи языковых единиц и языковых категорий всегда является актуальным.

Цель исследования – выявить предикативный потенциал двусоставных предложений с компонентом оценочной модальности.

В соответствии с целью диссертационного исследования намечено решение следующих задач:

1. Выявить среди модальных средств те, которые участвуют в выражении оценочной модальности.

2. Систематизировать оценочные единицы по их функциональной направленности. Установить функциональное влияние на модально-предикативный потенциал двусоставных предложений местоимений, личных / неличных существительных с оценочным значением, выступающих в роли субъекта / объекта предложения.

3. Систематизировать двусоставные предложения, в которых в роли субъекта / объекта / предиката выступают оценочные слова.

4. Выявить особенности осуществления предикации того или иного вида при функционировании в предложении оценочного слова – средства оценочной модальности.

5. Установить зависимость предикативного потенциала двусоставных предложений от функционирования в них лексических средств оценочной модальности.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней классифицируются и анализируются средства оценочной модальности, участвующие в предикативности; выявляется функциональный потенциал оценочных единиц (средств оценочной модальности) в плане участия их в осуществлении предикации различных видов; вводится понятие «латентной» предикации как самостоятельного вида предикации; впервые устанавливается зависимость предикативного потенциала двусоставных предложений от функционирования в них лексических средств оценочной модальности в качестве субъекта / объекта / предиката.

Гипотеза диссертационного исследования. Наличие в двусоставном предложении лексического средства оценочной модальности влияет на предикативный потенциал предложения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Оценочные слова (сами по себе не выражающие модального значения), включенные в высказывание, становятся выразителями оценочной (субъективной) модальности.

2. Оценочные лексические единицы полифункциональны:

- 1) являются единицами номинации;
- 2) являются средством оценочной модальности;
- 3) являются средством оформления предикации (т.е. содержат предикативный потенциал).

3. Лексическое средство оценочной модальности участвует в формировании дополнительного модального плана предложения и осложняет пропозициональную и предикативную структуру двусоставного предложения (осуществляется латентная предикация), если средство оценочной модальности выступает в роли субъекта и (или) объекта предложения.

4. Латентная предикация осуществляется наряду с основной – в таком случае предложение становится полипропозициональным и полипредикативным.

Материалом исследования являются двусоставные предложения, содержащие в своей структуре оценочное слово (или оценочные слова), извлеченные путем сплошной выборки из произведений художественной литературы XX века и мемуарной литературы XX века. Картотека составляет более 500 примеров.

Методы. Для отбора материала нами используется метод сплошной выборки из текстов художественной литературы. При анализе языкового материала используется прием трансформации (развертывание предложения). Исследование проводится на синхронном уровне в рамках структурно-семантического метода способом дедуктивного анализа языкового материала с применением приемов наблюдения, сопоставления, описания.

Теоретическая значимость. Данное исследование вносит вклад в разработку теории номинации и предикации. В рамках функциональной грамматики рассматривается коммуникативный потенциал оценочных слов, относящихся к разным частям речи. В аспекте семантического синтаксиса устанавливается соотношение и взаимосвязь между категорией предикации и

категорией модальности, а также средствами их оформления и выражения (соответственно).

Практическая значимость. Положения, выводы и результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения предложения в разных аспектах; материал может применяться в вузе для проведения лекций, семинаров, спецсеминаров, спецкурсов, практических занятий по современному русскому языку. Данное исследование может быть использовано студентами при подготовке ВКР, аспирантами при написании диссертационных исследований.

Глава I. Предикация и модальность. Место данных категорий в современной синтаксической науке

§ 1. Категория предикации и средства ее оформления

В современной синтаксической науке учение о предикации занимает одно из центральных мест. Категории предикации посвящали свои труды многие ученые (М. Я. Блох, 2000; В. В. Виноградов, 1986; М. В. Всеволодова, 2000; Н.А. Герасименко, 2012; Т. И. Кочеткова, 2005; Н. Н. Кузнецова, 2008; В. В. Леденёва, 2000; П. А. Лекант, 1975, 1986; А. М. Пешковский, 1938; Т. Е. Шаповалова, 2000; А. А. Шахматов, 1941 и др.). Языковеды, лингвистические и толковые словари интерпретируют данную категорию по-разному.

В «Кратком справочнике по современному русскому языку» (1991) под ред. П. А. Леканта предикация определяется как слияние элементов предложения, «выражающих отношение предмета и признака, основа высказывания» (Лекант, 1991, с. 324).

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается такое определение данной категории: «Предикация (от лат. *praedicatio* — высказывание) — одна из трех основных функций языковых выражений (наряду с номинацией и локацией), акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме — предикатом и его актантами), с целью отразить «положение дел», событие, ситуацию действительности; акт создания пропозиции» (ЛЭС, 1990, с. 393).

Понятию «предикация» близки понятия «предикативность» и «предикативное отношение». Рассмотрим, как соотносятся данные понятия.

А.А. Шахматов отождествляет понятия «предикация» и «предикативное отношение» (Шахматов, 1941, с. 19). Для А.А. Шахматова «предикативное отношение» – это, с одной стороны, отношение, в котором стоят друг к другу члены коммуникации, т.е. замаскированные субъект и предикат суждения, а с другой стороны, – отношение, в котором стоят друг к другу подлежащее и

сказуемое, т.е. языковые выражения субъекта и предиката суждения. Таким образом, «предикативное отношение» – это то, что лежит в основе всякого предложения (поскольку в основе всякого предложения лежит коммуникация), и то, что возможно только в двусоставном предложении (поскольку только в нем есть подлежащее и сказуемое)» (Шахматов, 1941, с. 19).

К данному пониманию "предикативного отношения" близко у А.М. Пешковского понятие «сказуемость». Для А.М. Пешковского «сказуемость» – это не только то, что делает сказуемое сказуемым, но и то, что делает предложение предложением. Таким образом, расширяя понятие сказуемого и отождествляя его (сказуемое) с предикатом, А.М. Пешковский говорит: «Сказуемое иначе называется предикат <...>, а самый процесс выражения мысли посредством "сказуемых" слов и форм – предикативацией, или предикацией» (Пешковский, 1956, с. 168-169).

Не все лингвисты используют термин «предикация» и отождествляют его с термином «предикативность». Так, например, В. В. Виноградов не употребляет термин «предикация». Ученый использует термин «предикативность», при этом предикативность трактуется как «отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, грамматически выражающаяся в категориях (синтаксических, а не только морфологических) модальности (наклонения), времени и лица» (Виноградов, 1975, с. 227).

Идея о предикации как отдельной категории предложения, отличной от категории предикативности (сказуемости), принадлежит П.А. Леканту (Лекант, 1986, с. 9).

Понятие предикативности, по мнению П. А. Леканта, «соотносится в теории синтаксиса с понятиями предикативных отношений, предикации. За этими терминами стоят взаимосвязанные, соприкасающиеся, но различные явления, которые принадлежат разным аспектам предложения. Между тем,

термины и стоящие за ними понятия не всегда строго различаются, а иногда смешиваются и отождествляются» (Лекант, 1983, с. 3-11).

П.А. Лекант выделяет в качестве главного фактора, определяющего структуру предложения, наличие или отсутствие предикативных отношений: «Эти отношения устанавливаются между определяемым (независимым) и определяющим главными членами в определенном модально – временном плане. Такое оформление чаще всего получают в предложении отношения «предмет – признак. <...> Соотношение предмета и признака передается в предложении в виде предикации» (Лекант, 1986, с. 9).

Исследуя предикативность, П.А. Лекант указывает на взаимодействие ее с категориями модальности, времени и лица, которые участвуют в формировании предикативности как признака предложения. Без исследования этого взаимодействия невозможно понять и описать механизм выражения тех сложнейших отношений, которые устанавливаются между позицией говорящего (творца речи), содержанием высказывания и реальной действительностью и передача которых составляет сущность предикативности» (Лекант, 1983, с. 3-11).

Выражение модально-временных значений имеет отношение и к оформлению предикации как структурного центра предложения, и к реализации соответствующих предикативных категорий (модальность, время). Следовательно, предикация (основная) является компонентом грамматической формы предложения (*Дождь усилился. Стало темно.*). Предикация, как утверждает П. А. Лекант, может не обладать самостоятельным модально-временным планом, может быть оформлена как добавочная – тогда мы имеем дело с ***простым полипредикативным предложением*** (*Из- за усилившегося дождя стало темно.*) (Лекант, 1983, с. 3-11).

По мнению Н.С. Валгиной, «простые предложения являются единицами монопредикативными (содержат одну предикативную единицу), сложные предложения – единицами полипредикативными (сложное предложение

состоит из объединенных по смыслу и грамматически двух или нескольких предикативных единиц) (Валгина, 2000, с. 158).

Мы считаем, вслед за П.А. Лекантом, что простые двусоставные предложения могут быть и монопредикативными (содержат одну основную предикацию) и полипредикативными (помимо основной содержат и другие виды предикации).

В теоретическом языкознании предикация интерпретируется как функция «глагольного объединения» (И.И.Мещанинов, 1945), а также как «значение предложения в целом» (Л. Ельмслев, 2006; Э. Бенвенист, 1974).

Современные лингвистические исследования предикации содержат ряд продуктивных, требующих развития, идей о многоплановой параметризации данной функции языкового выражения: предикация в предложении, предикация в тексте; предикация как грамматическое свойство предложения (предикативность); предикация как акт воссоздания пропозиции и др.

М.Я.Блох считает, что особенностью предикации владеет не только предложение, но и диктема, единица языка, лежащая выше предложения. Это мнение основывается на факте «перехода функций от нижележащего уровня к вышележащему в ходе речетворчества» (Блох, 2001, с. 63). Данной точки зрения придерживаются О.И. Москальская, Е.С. Кубрякова, В. А. Звегинцев. Так, по мнению О. И. Москальской, предложение обладает свойством отнесенности к действительности (т.е. предикативным свойством) лишь в составе текста, т.е. включаясь в текстовое высказывание, или когда оно само представляет собой предложение–текст. «Предложение, изъятое из текста, составной частью которого оно является, характеризуется лишь потенциальной (виртуальной) отнесенностью к действительности» (Москальская, 1981, с.98). Отнесенность к действительности, обеспеченная синтагматической структурой предложения, остается виртуальной, его актуализация происходит в тексте, где все составляющие его предложения, дополняя друг друга, обретают конкретность реального высказывания. Е.С. Кубрякова сомневается

относительно того, что благодаря предикативному свойству предложение выражает законченную мысль. Не столько законченную мысль, – замечает она, – сколько «определенную часть мысли по отношению ко всему замысленному тексту, который именно как глобальное целое должен выразить мысль говорящего» (Кубрякова, 1986, с. 113).

В. В. Леденёва определяет предикацию как «важнейший ментальный акт, благодаря которому осуществляется реализация коммуникативно-эстетических, творческих установок языковой личности, детерминируется та или иная позиция, эксплицируется отношение» (Леденёва, 2000, с. 363).

Исследования М.Ю. Федосюка наводят нас на мысль о необходимости рассматривать предикативность не только как грамматическое свойство предложения, но и связывать ее с семантикой предложения: «Предикативность – важнейшее содержательное свойство предложения, которое состоит в отнесенности передаваемого содержания к плану реальных, предполагаемых или инициируемых говорящим событий, а также к плану настоящего, прошедшего или будущего времени» (Федосюк, 2013, с.55). В данном определении отражается связь предикативности с содержательной стороной предложения – в частности с модальностью.

Мы не отождествляем понятия «предикация» и «предикативность». Предикативность рассматриваем как грамматическое свойство предложения, предикацию связываем с одной из основных функций языкового выражения и вслед за П.А. Лекантом понимаем категорию предикации как «приписывание признака предмету высказывания посредством двух сочетающихся компонентов предложения» (Лекант, 1986, с. 11). Двусоставное предложение способно выражать отношение «приписывания» признака предмету, следовательно, формальное выражение этого отношения в предложении является его (предложения) грамматическим свойством – предикативностью.

В структуре предложения могут оформляться различные виды предикации.

Лингвистическим энциклопедическим словарем (ЛЭС) представлены незавершенная и завершенная предикации: «незавершенная предикация (создание пропозиции, соединение смыслов элементарных языковых выражений); завершенная предикация (утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности)» (ЛЭС, 1990, с. 393).

Незавершенная предикация, по мнению Ю. С. Степанова, отражается в языке как инвариант нескольких связанных по смыслу предложений — утвердительного, отрицательного, вопросительного, побудительного, истинного или ложного, напр.: «*Он пришел*», «*Нет, он не пришел*», «*Пришел ли он?*», «*Хоть бы он пришел!*», «*Я хочу, чтобы он пришел*», «*Неверно, что он пришел*». Пропозиция «*он пришел*» по внешней структуре совпадает с утвердительным предложением «*Он пришел*»; но последнее в глубинной структуре имеет вид «*Верно, что он пришел*». Завершенная предикация находит отражение в языке в виде полных, самостоятельных предложений (напр., каждое из вышеприведенных предложений целиком). Для выражения незавершенной предикации в развитых языках имеются специфические формы...» (ЛЭС, 1990, с. 394).

Мы опираемся на исследования П.А. Леканта, который выделяет шесть видов предикации: основную, слитную, двойную, свернутую, добавочную, потенциальную (Лекант, 1975, с. 149). Рассмотрим данные виды предикации.

Основная предикация «имеет модально-временную характеристику, проявляется в предикативной основе предложения; наряду с ней может быть представлена добавочная предикация. Предложения с добавочной предикацией содержат в своей структуре так называемые деепричастный и причастный обороты. Употребление предложений с данным видом предикации диктуется необходимостью приписать предмету дополнительно признак (действие) в качестве второстепенного. Например: *Цыпленок, неизвестно зачем попавший в дом, сиротливо пицал, бродя по гостиной* (И. Бунин) – цыпленок неизвестно

зачем *попал в дом, бродил* по гостиной и сиротливо *пищал*» (Лекант, 1975, с. 149).

Предложения со слитной предикацией П. А. Лекант признает «особым структурным типом, в котором две или более предикации соединяются на основе общности предмета или признака: «На набережной *теснятся пароходы, шхуны, баржи* (А. Серафимович)» (Лекант, 1975, с. 149).

Предложения с двойной предикацией представляют собой структурный тип простого предложения, в котором представлены одновременно два предикативных признака – активный и пассивный. Оба признака приписываются в одном временном плане одному или двум предметам. Активный признак обозначается глаголом-сказуемым, пассивный признак выражается формой предикативного имени с двойной зависимостью – от глагола и от субстантива, которым назван предмет, носитель признака: *Я вспомнил друга молодым* (*я вспомнил* и *друг молодой*) (Лекант, 1975, с. 151).

Предложения со свернутой предикацией «имеют в своей структуре такой член предложения (имеющий статус второстепенного), который обозначает или признак, или предмет, в то время как второй элемент предикации может быть не обозначен отдельно, поскольку он является общим с основной (примарной) предикацией: *Солдаты остановились отдохнуть*. Наряду с основной предикацией (*солдаты остановились*), выражается свернутая предикация (*солдаты отдохнут*)» (Лекант, 1975, с. 153).

Потенциальная предикация выражается в предложении с помощью атрибутивных отношений, т. е. она представляет собой «обозначение признака как данного в предмете или вместе с предметом, но не устанавливаемого, не открываемого в речевом акте: *Солнечный осенний вечер прохладен* (И. Бунин)» (Лекант, 1975, с. 156).

Предложения с данными видами предикации, выделенными П.А. Лекантом, объединяет то, что в них происходит «приписывание признака предмету высказывания посредством двух сочетающихся компонентов

предложения». Такие виды предикации, как слитная, свернутая, двойная, добавочная и потенциальная, выражаются в предложении только наряду с основной предикацией. Мы видим возможность выделения еще одного вида предикации – латентной (обоснование представлено во II главе нашего диссертационного исследования).

Совмещение в составе предложения нескольких предикативных центров обеспечивает выражение сразу нескольких пропозиций.

Термин «пропозиция» имеет ряд трактовок. Пропозицию интерпретируют как: 1) «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинаций)» (ЛЭС, с. 401); 2) «то же, что предикация» (Степанов, 1981, с.355); 3) «... смысл предложения и какие-то компоненты смысла: какие-то части предложения могут выражать пропозиции» (Падучева, 1985, с. 36); 4) «сигнификат предложения, т.е. комплекс признаков некоторой ситуации, который не связан ни со знаниями адресата, ни с позицией отправителя (Федосюк, 2013, с. 26); 5) «... то, что способно быть истинным или ложным, или то, что способно быть значением (утвердительного) предложения, или же то, что является содержанием того или иного речевого акта, или же, наконец, то, что составляет содержание определенного психологического состояния (веры, убеждения, сомнения, желания и т.п.) субъекта» (Зеленщиков, 1997, с. 159) и др. В определении пропозиции А.В. Зеленщикова мы видим связь ее с модальностью. Общим для всех интерпретаций пропозиции является выделение смысловой составляющей в языковой конструкции.

Под «пропозицией» мы понимаем смысловую (семантическую) константу [семантическое содержание предложения, включая его отдельные составляющие смысловые части] (Соловьева, 2014, с. 241).

Т. И. Кочеткова считает оправданным употребление в лингвистике терминов «предикация» и «пропозиция», не отождествляя логическое и лингвистическое истолкование данных терминов. Предикация в понимании

Т. И. Кочетковой представляет собой «реализацию способности языковой единицы (семантико-синтаксической структуры) выражать коммуникативную установку на основе соединения в предложении компонентов, обозначающих предмет и его признак; акт оформления пропозиции» (Кочеткова, 2005, с. 73-74).

Мы также не отождествляем данные понятия («предикация» и «пропозиция»), но считаем их взаимосвязанными. «Предикация возникает как стремление воссоздать пропозицию при оформлении высказывания» (Кочеткова, 2005, с. 74).

Актуальным в современной лингвистике является изучение языковых средств, при помощи которых осуществляется та или иная функция языкового выражения. Представляется необходимым при установлении предикативного потенциала двусоставных предложений выявить те языковые средства, при помощи которых может оформляться предикация в двусоставном предложении.

Ученые выделяют разные средства оформления предикации.

Предикация, по словам М.В. Всеволодовой, «формально совпадает с категорией актуального членения и выражается интонационными средствами: фокус темы – предизируемый, а фокус ремы – предизирующий компонент» (Всеволодова, 2000, с. 339-340).

По мнению А.М. Пешковского, предикация может быть выражена, во-первых, только с помощью интонации, во-вторых – с помощью жеста и интонации и в-третьих – в обстановке и интонацией, но не с помощью подразумеваемого предиката (Пешковский, 1938, с. 183). «Таким образом, мы, – писал А.М. Пешковский, – открываем новый способ выражения категории сказуемости: интонацию, благодаря которой слово перестает быть словом только, а делается фразой» (Пешковский, 1938, с.175).

Выдвинутая А.М. Пешковским идея о ведущей роли интонации в оформлении «категории сказуемости» [в нашей интерпретации – предикации – О.С.] была поддержана другими лингвистами.

Так, Т.И. Дешериева, выделяя общие для предикативности и модальности средства выражения, отмечает: «Древнейшим из общих средств является интонация, функционально-семантический характер проявления которой в каждой из указанных категорий позволяет судить об их отношении в структуре языка» (Дешериева, 1988, с. 21).

А.И.Смирницкий выделяет интонацию в качестве универсального средства выражения категории предикации, «которая [интонация – О.С.] отличает предложение от обычной группы слов, поставленных рядом, даже если эти слова связаны друг с другом по существующим в данном языке грамматическим правилам: без интонации они будут представлять собой лишь потенциальное предложение» (Смирницкий, 1957, с.105).

Мы также признаем интонацию универсальным средством выражения предикации.

Кроме этого, А. И. Смирницкий выделяет и другой способ выражения предикации – выражение ее (предикации) с помощью предикативных (личных) форм глагола. Предикативными формами глагола называются формы, выражающие лицо, число, наклонение, время (Смирницкий, 1957, с. 106). Известно, что основным элементом предикации является модальность, без которой немыслима никакая предикация. Но модальность в форме того или иного наклонения только видоизменяет предикацию, устанавливая связь с действительностью. При совпадении с действительностью (глагол в изъявительном наклонении) важным элементом предикации, по мнению А.И. Смирницкого, становится также «указание на время, к которому относится данное высказывание. Кроме того, утверждение чего-либо происходит всегда в отношении какого-либо предмета или лица. В связи с этим возникает необходимость в формах лица и числа, с помощью которых вовлекается в предикацию тот предмет или лицо, в связи с которым делается данное конкретное утверждение. Поэтому в речевой практике иногда можно

ограничиться лишь глаголом, опустив подлежащее» (Смирницкий, 1957, с.106).

П.А. Лекант выделяет специфические для каждого вида предикации средства ее выражения. Главным средством выражения основной предикации он называет «предикативное сочетание» (при выражении основной и слитной предикации), которое является и выразителем предикативного отношения. «Предикативные отношения, – по словам ученого, – выражаются в предложении между двумя главными членами – подлежащим и сказуемым. В предложениях с одним главным членом предикативные отношения не выражаются, в этих предложениях утверждается независимый признак или бытие предмета. Средствами выражения другого вида предикации являются полупредикативные конструкции (при оформлении добавочной предикации)». (Лекант, 1975, с.79). Средством выражения двойной предикации является «сочетание глагола-сказуемого, в котором выражен активный признак, и предикативного имени с двойной зависимостью (от глагола и субстантива), в котором выражен пассивный признак». В качестве средства оформления свернутой предикации П. А. Лекант определяет второстепенный член, выраженный инфинитивом, обозначающий предмет или признак. Данный вид предикации проявляется наряду с основной предикацией. Средством выражения потенциальной предикации выступают атрибутивные сочетания (Лекант, 1975, с. 80).

«Предикация может выражаться и таким средством, как «отсутствие глагола». Особенно часто подобные случаи наблюдаются в русском языке, например, в предложении типа «*Мой брат — доктор*», в котором отсутствует предикативная форма глагола» (Смирницкий, 1957, с. 106).

Неглагольный способ выражения предикации представлен в работах Н.А. Герасименко (Герасименко, 1999, 2012), Т.Е. Шаповаловой (Шаповалова, 1987, 2000).

Неглагольное выражение предикации Н.А. Герасименко связывает с бисубстантивными предложениями: «Бисубстантивными предложениями (БП) называем самостоятельный тип двусоставных неглагольных предложений, предикативное ядро которых организовано двумя именами существительными с участием связки. Предикативное ядро БП организуется двумя главными членами – подлежащим и сказуемым, – каждый из которых в качестве опорного компонента имеет субстантив – имя существительное или его синтаксический эквивалент: *Сей день, я помню, для меня был утром жизненного дня.* (Ф. Тютчев)» (Герасименко, 1999, с. 7).

Т.Е. Шаповалова отмечает, что ядром категории синтаксического времени выступает говорящий, благодаря которому устанавливаются «предикативные отношения между предметом и его признаком, привязывая их к реальной действительности и времени» (Шаповалова, 2000, с. 94). В данном случае речь идет о неглагольном выражении основной предикации. Неглагольное выражение могут иметь и другие виды предикации.

Опираясь на результаты вышеназванных исследований и проводя свое исследование, мы приходим к выводу о том, что предикация может иметь в предложении как глагольное, так и неглагольное оформление.

Главными средствами выражения предикации являются предикативные сочетания, а дополнительными – полупредикативные языковые единицы, аппозитивные словосочетания, атрибутивные сочетания слов; оценочное слово, являющееся компонентом предикативного сочетания, может относиться как к главному средству выражения предикации (если выступает в функции предиката), так и к дополнительному (при выражении латентной предикации)*.

В вопросе о соотношении предикативности и модальности большую роль играет концепция актуального членения предложения. «Различные мнения о сущности данного языкового явления, о его месте и роли в структуре предложения подтверждаются существующей терминологией. Ср.: основа и

* Оценочные слова как средства выражения латентной предикации рассматриваются нами во II главе диссертации

ядро у В. Матезиуса, логический субъект и логический предикат у И. П. Распопова и др.» (Дешериева, 1988, с. 207).

Говоря о концепции актуального членения, Т.И. Дешериева отмечает: «Средства выражения актуального членения в любом языке коррелируют с его типологическими особенностями. Однако предикатовыделительные средства в исходных и производных предложениях парадигм актуального членения всегда берутся из общего набора морфолого-синтаксических, лексических, интонационных средств языка и нередко совпадают». (Дешериева, 1988, с. 39).

Особое внимание Т. И. Дешериева уделяет «модусам-квалификаторам»: «Поскольку модусы-квалификаторы создают новые суждения, они представляют собой одно из средств выражения компонентов семантики модальности и предикативности. Интонация, специальные аффиксы, частицы и другие предикатовыделительные средства, маркирующие актуальное членение, относятся к средствам выражения дополнительных компонентов семантики модальности и предикативности» (Дешериева, 1988, с. 40).

Считаем, что перечень средств выражения модальности и предикации не является исчерпанным. Выявление этих средств – предмет дальнейших исследований.

§ 2. Логический и лингвистический подходы в интерпретации модальности

В современном языкознании важное место занимает категория модальности. Интерес к данной категории из-за ее значимости для предложения и синтаксической науки в целом проявляли многие лингвисты: П. Адамец (Адамец, 1968), В. Г. Адмони (Адмони, 1973), И.В. Артюшков (Артюшков, 2003), Ш. Балли (Балли, 1955), Е. И. Беляева (Беляева, 1985), В. Н. Бондаренко (Бондаренко, 1979), А. В. Бондарко (Бондарко, 1971, 2001), В. В. Виноградов (Виноградов, 1950, 1975, 1986), Т. И. Дешериева (Дешериева, 1987,

1988), А. В. Зеленщиков (Зеленщиков, 1997), Г. А. Золотова (Золотова, 1973), П. А. Лекант (Лекант, 2002, 2005), Г. П. Немец (Немец, 1989, 1991), Е. Н. Орехова (Орехова, 2011), В. З. Панфилов (Панфилов, 1977), Л.А. Сергиевская (Сергиевская, 1995), Ю. Р. Тагильцева (Тагильцева, 2006), А. И. Фефилов (Фефилов, 1991), И. А. Шевякова (Шевякова, 1982) и др.

Осмысление категории модальности для нас принципиально важно, так как выявление предикативного потенциала предложения (цель нашего исследования) возможно только с учетом сущности категории модальности, без которой не может осуществляться предикация.

Предложение, как и другие единицы языка, имеет свою систему грамматических значений (общие и частные грамматические значения). К основному признаку предложения относится предикативность. Как известно, предикативность выражается в трех основных грамматических категориях предложения: синтаксической модальности, синтаксического времени, синтаксического лица. «Каждая из этих категорий передает определенный аспект отнесенности высказывания к действительности, устанавливаемый говорящим» (Ляпон, 1990, с.6).

Термин «модальность» (от лат. *modus* – мера, способ) используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях структуры языка (Ляпон, 1990, с. 303).

«Модальность» интерпретируется исследователями по-разному.

В языкознании существует два подхода к интерпретации «модальности»:

- 1) логический подход;
- 2) лингвистический подход.

Постоянные дискуссии ведутся по поводу того, стоит ли различать логическую и лингвистическую интерпретацию «модальности». Это связано с тем, что «модальность» является предметом исследования и языкознания, и логики.

Категория модальности пришла в языкознание из логики, где трактовалась как категория, которая передает характер объективных связей между предметом (субъектом) и признаком (предикатом) суждения, а также степень достоверности указанных связей с точки зрения говорящего (или пишущего) (Дешериева, 1988, с. 6). Исходя из этого, в лингвистике начали выделять «объективную модальность», которая передает объективный характер связей, присутствующих в содержании высказывания, и «субъективную модальность», которая передает степень достоверности этих связей.

Изучение логического подхода в интерпретации «модальности» является очень важным этапом рассмотрения «модальности» в лингвистике. Бесконечные дискуссии и споры привели к тому, что в языкознании стало существовать множество точек зрения по поводу содержания и объема категории модальности. Языковая модальность стала рассматриваться некоторыми лингвистами как «прямая аналогия классической логической модальности суждения» (Дешериева, 1988, с. 7).

В интерпретации модальности Г.П. Немец основывается на ее (модальности) философском понимании. Языковед разделяет логическую и лингвистическую модальности, т.к. эти два вида модальности разнохарактерно участвуют в отражении объективной действительности. Сущность лингвистической категории модальности, по мнению ученого, «составляют формальные единицы грамматического выражения различных аспектов отношений семантики речи к реальной действительности» (Немец, 1989, с.8). Связывая логическую модальность с понятиями реальности и ирреальности, Г. П. Немец говорит об условности и относительности их содержания в языковой модальности. При этом в логической модальности, которая воплощается в суждении о действительности, необходимости события, явлениях, дихотомия реальности/ирреальности не исключается (Немец, 1989, с.9). Данная концепция отражена в «Русской грамматике», где план реальности (временная

определенность) и план ирреальности (временная неопределенность) составляют структурную схему предложения (Русская грамматика, 1980, с. 6).

Если лингвисты модальность включают в число наиболее существенных характеристик предложения, то философы рассматривают ее в качестве существенного признака суждения (Немец, 1989, с. 10).

Категория модальности является объектом рассмотрения не только отечественных лингвистов, но и зарубежных (F. R. Palmer [Palmer, 1979], F. Schmidt [Schmidt, 1962]). Так, например, F. R. Palmer говорит о значимости данной категории в английском языке: «Modality in English has traditionally been interpreted in terms of the use of modals, and although this is not the only resource available for the expression of this notion, there is no doubt that it is the most important one» [Модальность в английском языке традиционно интерпретируется в термине модальные глаголы, хотя это не единственный ресурс, доступный для выражения этого понятия, нет никаких сомнений в том, что категория модальности является самой важной] (Palmer, 1979, с. 3).

Г. В. Колшанский и В. З. Панфилов, относя «модальность» к грамматической категории, исключали из сферы «модальности» функционально-модальные типы предложения по цели высказывания, категории вопросов и побуждения. Такой подход условно именовался «узким». Сторонники узкого подхода «склонны видеть логическое противоречие и несовместимость оснований деления предложения по целевой установке и степени достоверности их смысла» (Дешериева, 1988, с. 7).

Данной точки зрения придерживался и И. П. Распопов, который предложил отделить от категории модальности «категорию целевого назначения» (Распопов, 1981, с. 30).

Наибольшую популярность получил «широкий» подход, при котором языковеды включали в сферу семантики «модальности» классическую логическую модальность суждения, «обозначенного предложением, и отношения говорящего к смыслу суждения, в том числе – эмоционально -

экспрессивную оценку» (Дешериева, 1988, с.7). Первоначально данную точку зрения осветил В. В. Виноградов.

Основные выводы и результаты концепции В. В. Виноградова мы находим в его работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке». В.В. Виноградов отмечает: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» (Виноградов, 1950, с.41). Безусловно, если предложение является отражением действительности, то оно (предложение) связано с категорией модальности, т.е. предложение не существует без модальности. Следовательно, понятие «модальность» тесно связано с понятием «предикация» (основного признака предложения): «модальность» и «предикация» могут быть обнаружены только в предложении.

Сторонники лингвистического подхода рассматривают категорию «модальности» только как языковую категорию. Внутри данного подхода сформировалось несколько точек зрения к интерпретации «модальности».

О модальности как о широкой языковой категории впервые заговорил Ш. Балли. По мнению Ш. Балли, «логическая функция модальности заключается в выражении реакции мыслящего субъекта на его представление» (Балли, 1955, с. 234). При этом ту часть высказывания, которая соответствует процессу и образует представление, Ш. Балли называл диктумом, вторую часть, которая является индивидуальной оценкой излагаемых фактов – модусом. Ш. Балли определяет модальность как активную мыслительную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме. Модус образуют модальный глагол и модальный субъект (Балли, 1955, с. 44).

Любое предложение, как говорил Ш. Балли, обладает модальностью. Модальность в его толковании выступает как синтаксическая категория, представленная конструкциями различной степени сложности. «Модальность – душа предложения, – писал Ш. Балли. – Как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта, следовательно, нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» (Балли, 1955, с. 44).

В последние годы многими исследователями выдвигается более узкое понимание модальности. Ученые начинают рассматривать модальность как «функционально-семантическое поле» (Левичева, 2005, с. 5). Л.В. Щерба стал одним из первых лингвистов, который осветил данную проблему в языкознании. По мнению Л. В. Щербы и его сторонников, «функционально-семантические поля модальности в русском языке имеют очень сложную структуру, характеризующуюся разнообразием значений и средств их выражения, поэтому модальность делится, прежде всего, на два основных макрополя: действительности и недействительности, которые в свою очередь распадаются на микрополя (уверенности, сомнения, логической модальности и логической необходимости и т.д.)» (ЛЭС, 1990, с. 303). К сторонникам и последователям данной идеи относятся В.Г. Адмони (Адмони, 1973), Е.И. Беляева (Беляева, 1985), А.В. Бондарко (Бондарко, 2001), Е.И. Шендельс (Шендельс, 1988), Г.С. Щур (Щур, 1974) и др.

В.Г. Адмони в своей работе «Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения» высказал мнение о том, что «предложение может выражать любой мыслительный акт, при этом оно (предложение) способно передавать объективную действительность и выявлять определенное отношение к этим объективным отношениям» (Адмони, 1973, с.156). Это говорит о том, что лингвист рассматривает категорию «модальности» как субъективно-объективную категорию, т.к. в каждом предложении, по мнению В. Г. Адмони, содержится «оценка

содержания высказывания с точки зрения его реальности, и эта оценка всегда активна, она всегда утверждается» (Адмони, 1973, с. 156).

Как субъективно-объективную категорию рассматривает модальность Г.А. Золотова: «Модальные референции разного рода, накладываясь друг на друга, образуют категорию модальности, представляющую собой субъективно - объективное отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности» (Золотова, 1973, с. 142).

Ученые, рассматривая понятие модальности как отношение в плане реальности – ирреальности, достоверности – недостоверности, задаются вопросом: отношение *чего к чему* исследуется? Дать ответ на этот вопрос попыталась Г.А. Золотова, которая говорит о трех типах отношений: «во-первых, это отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего, во-вторых, отношение говорящего к содержанию высказывания; в- третьих, отношение между субъектом (носителем признака) и предикативным признаком» (Золотова, 1973, с. 142).

Стоит обратить внимание на точку зрения Г.В. Валимовой, которая говорит о границах модальности: «Модальность...содержит качественную квалификацию отношения речи к действительности. Характер модальных значений весьма различен. Среди них выделяются значения, обязательные для существования предложения. Они постоянно сопутствуют предикативности, выражая одну из возможных форм отношения содержания речи к действительности...» (Валимова, 1967, с. 4).

Логическая модальность, в отличие от языковой модальности, характеризуется, по мнению Г.В. Валимовой, узким (в количественном и качественном отношении) набором семантико-лингвистических средств (Валимова, 1967, с.7-8).

Безусловно, значение и ценность исследований категории модальности для синтаксической науки несомненны. Но также отчетливо видна и нерешенность

некоторых проблем модальности, например, квалификация и границы модальности, изучение модальности сложного предложения, не имеющей специального описания (Сергиевская, 1995, с. 1).

Некоторые лингвисты не разделяют логическую и лингвистическую модальность. Развивая логико - синтаксический подход, языковеды рассматривают лингвистическую модальность в непосредственной связи с логической модальностью [Н. Д. Арутюнова (Арутюнова, 1988), К. М. Галкина-Федорук (Галкина-Федорук, 1958, 1962), Т. И. Дешериева (Дешериева, 1988), В. З. Панфилов (Панфилов, 1977) и др.].

Е.М. Галкина - Федорук, не различая логическую и лингвистическую модальность, отнесла данную категорию к логическому понятию, выражающему «отношение говорящего к действительности, устанавливающее достоверность или недостоверность связей, фактов, обозначаемых и выражаемых в предложении. Поэтому не только суждению, но и предложению свойственна модальность» (Галкина - Федорук, 1958, с.31).

Данной точки зрения придерживается Т. И. Дешериева, высказавшая мысль о том, что «и модальная, и классическая логика образовывались во время высокого уровня человеческого сознания, поэтому стихийно их концептуальный аппарат получил определенное выражение в понятиях и категориях языка, хотя лингвистика как наука до появления классической логики еще не существовала» (Дешериева, 1988, с. 6-7).

Исходя из этого, мы можем предположить, что лингвисты при исследовании языковой модальности берут за основу описание логической модальности.

Нам близка точка зрения П.А. Леканта, который рассматривает категорию модальности с лингвистической стороны и определяет «модальность» как синтаксическую категорию: «Модальность целесообразно рассматривать как единую синтаксическую категорию, содержанием которой является оценка тех или иных сторон отношения высказывания к действительности,

устанавливаемая говорящим» (Лекант, 2002, с. 104). П.А. Лекант отмечает, что «модальность есть обязательное, неизбежное качество речи. Говорящий не может оформить и адресовать высказывание без его модальной квалификации. Грамматическая форма предложения невозможна без специализированного представления категории модальности» (Лекант, 2002, с. 104-105).

Известно, что категория модальности (как и многие другие лингвистические категории) впервые стала объектом изучения логики и философии, а затем уже и языкознания, поэтому считаем правомерным рассматривать данную категорию как с логической, так и с лингвистической позиций. Однако нас прежде всего интересует лингвистический план модальности. Модальность мы квалифицируем как категорию, благодаря которой говорящий (субъект речи) выражает свое отношение (позицию) к содержанию высказывания, социуму, явлению, определенному событию, окружающей действительности.

Любая категория в лингвистике имеет свои аспекты, в том числе и категория модальности. К основному аспекту модальности относится дихотомия реальности – ирреальности, которая выражается в предложении сказуемым в форме какого-либо наклонения. Например, *Он лжет по поводу своего участия в конкурсе*. Сказуемое *лжет* употреблено в форме изъявительного наклонения, выражает реальную модальность; *Если бы завтра была хорошая погода, то мы пошли бы на улицу*. Сказуемое *была бы (пошли бы)* употребляется в сослагательном наклонении, выражает ирреальную модальность. Глагол может выражать реальную и ирреальную модальность и в том случае, если модальное значение отсутствует в семантике этого глагола. Например, *А ты разве не участвуешь в конкурсе?* Глагол *(не) участвуешь*, семантика которого не имеет модального значения, употребленный в форме изъявительного наклонения, выражает реальную модальность. Модальное значение усиливает интонация и модальная частица *разве*.

Противопоставление значения достоверности – недостоверности (вероятности) является, на наш взгляд, не менее важным аспектом модальности, нежели дихотомия реальности – ирреальности. Например, *Безусловно, завтра мы пойдем в кино*. Слово безусловно имеет значение достоверности, однозначности того, о чем идет речь; *Возможно, завтра мы пойдем в кино*. Слово возможно имеет значение вероятности происходящего.

Третьим аспектом модальности является «модальность предиката, то есть противопоставление форм сказуемого (или главного члена односоставных предложений) по частным модальным значениям (возможности, желательности, долженствования, целесообразности и т. п.)» (Лекант, 2002, с. 105). Например, *Я должна учиться* (значение долженствования, необходимости) – *Я могу учиться* (значение возможности) – *Я хочу учиться* (значение желательности).

Под **модальностью** мы понимаем семантико-грамматическую категорию, выражающую отношение субъекта речи (говорящего) к объекту действительности (лицу, социуму, явлению, событию, окружающей действительности в целом) с позиций реальности-ирреальности, достоверности-вероятности, необходимости, долженствования, возможности и т.д.

Одним из спорных является вопрос соотношения объективной и субъективной модальности. Несмотря на различия во взглядах, многие лингвисты всё же разграничивают объективную (отношение содержания высказывания к действительности) и субъективную (отношение говорящего к содержанию высказывания) модальности (Немец, 1989, с. 12-13).

Среди трудов, посвященных вопросу соотношения объективной и субъективной модальности, необходимо выделить труды В.В. Валгиной, В.В. Виноградова, Г.А. Золотовой, П.А. Леканта, Г.П. Немец. Сопоставим взгляды ученых по данной проблеме. Г.П. Немец выделяет объективную и субъективную модальность: «Объективность (объективная модальность)

свойственна каждому предложению, если рассматривать его (предложение) с позиции грамматической реализации, субъективность (субъективная модальность) рассматривается как персоналистическое (личностное) отношение субъекта к кому- либо или чему- либо» (Немец, 1989, с. 13). При этом Г.П. Немец указывала на неоспоримую связь модальности с предикативной единицей.

Деление модальности на объективную и субъективную находим в трудах Г.А. Золотовой. Лингвист рассматривает объективную модальность как «необходимый первостепенный признак каждого предложения», а субъективную модальность, выраженную вводными словами, – как признак, который носит необязательный, рекомендательный характер. Объективная и субъективная модальности, несмотря на их взаимодействие, не пересекаются» (Золотова, 1973, с. 148-149).

Термин «объективная модальность» кажется М. В. Ляпон не вполне подходящим: «Объективная модальность. Этот термин представляется не вполне удачным, так как дает повод для смешения объективности самого факта (модальность в онтологическом смысле) и реальности результата его отражения, фиксации в языке» (Ляпон, 1990, с. 303).

В.В. Виноградов связывал возможность выражения модальных значений с характером языковых единиц, отражающих один из двух видов грамматических отношений: на уровне словосочетания – объективно-синтаксические отношения, на уровне предложения – субъективно-объективные (модальные) отношения (Виноградов, 1986, с. 577).

Часто во многих исследованиях лингвисты указывают на условность разграничения объективной и субъективной модальности. Так, А.М. Пешковский высказал мнение о том, что «модальность может выражать только одно отношение – отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, то есть «отношение к отношению». При таком подходе модальность рассматривается

как многоаспектная категория. При этом, следуя данной точки зрения, в категории модальности можно усмотреть цепь взаимодействий между компонентами, участвующими в данном конкретном предложении (высказывании): говорящий (субъект), собеседник (адресат), содержание предложения, окружающая действительность (Пешковский, 1938, с. 301).

П. А. Лекант отмечает, что «в лингвистике существует принципиальное разделение модальности объективной, субъективной и предикатной. Однако, реализуясь в различных типах простого предложения, эти значения модальности могут совмещаться, разделяться или нейтрализоваться, «так что модальность конкретного высказывания далеко не всегда соответствует тем «типам», которые хрестоматийно установлены грамматической теорией, - объективной, субъективной, предикатной модальности. Поэтому не следует разделять единую синтаксическую категорию модальности на объективную, субъективную, предикатную, а стоит рассматривать различные аспекты единой категории модальности» (Лекант, 2006, с.4).

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» модальность квалифицируется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» (ЛЭС, 1990, с. 303).

Дифференциации модальности на объективную и субъективную придерживается и В. Н. Бондаренко, который, следуя логическому пониманию модальности, рассматривает ее (модальность) с точки зрения «достоверности содержания предложения с позиции говорящего» (Бондаренко, 1979, с. 55).

Среди отечественных языковедов следует отметить В.Н. Мещерякова, который придерживается деления модальности на объективную и субъективную. Субъективная модальность, по мнению В.Н. Мещерякова, «может носить сегментный и суперсегментный характер» (Мещеряков, 2001, с. 102).

Субъективная модальность при сегментной отнесенности рассматривается как «способ организации внимания и восприятия коммуниканта к содержанию того или иного высказывания. Сюда ученый относит авторские отступления и оговорки с установкой на эмоциональный отклик участника коммуникации» (Мещеряков, 2001, с. 102-103). Субъективная модальность при суперсегментной отнесенности представляет собой «выстраивание содержания текста пропорционально возможностям участников коммуникации, что создает определенное модальное пространство» (Мещеряков, 2001, с. 103). Что касается объективной модальности, по словам В. Н. Мещерякова, то ей присущи суперсегментные свойствами по отношению к тексту, наличие суперсегментных свойств у объективной модальности позволяет отражать действительность» (Мещеряков, 2001, с. 103-104).

Некоторые лингвисты рассматривают модальность как семантическую категорию, которая определяется номинативным и коммуникативным аспектами предложения. Так, например, С. С. Ваулина выделяет пропозициональную модальность (фиксация различных фактов, событий, явлений действительности) и прагматическую модальность, которая раскрывает цели и степень достоверности коммуникации (Ваулина, 1993, с. 17). В основе пропозициональной модальности, по мнению лингвиста, лежит объективная модальность, ядром прагматической модальности является субъективная модальность (Ваулина, 1993, с. 17).

Как уже отмечалось нами, не все исследователи разграничивают понятия «объективной» и «субъективной» модальности.

Так, например, А. Г. Руднев в «Словаре культуры XX века» под модальностью понимает «тип отношения высказывания к реальности», отождествляя модальность с наклонениями (изъявительным, повелительным и сослагательным) (Руднев, 1997, с. 174).

Не выделяет «объективную» и «субъективную» модальности А. В. Бондарко, определяя модальность как «актуализационную категорию (переходную от языка к речи)» (Бондарко, 1971, с. 59-60).

При исследовании категории модальности необходимо обратить внимание на концепции Н. С. Валгиной, которая понимает модальность как «оценку говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к действительности» (Валгина, 2002, с. 281), и Л.А. Черняховской, которая подчеркивает «личный характер отношения содержания высказывания к действительности, определяя модальность как субъективную оценку говорящим того, о чем он говорит, с точки зрения степени реальности отображаемого в речи события, оценки степени уверенности говорящего в достоверности утверждаемого, оценки им желательности – нежелательности события» (Черняховская, 1983, с. 125). На наш взгляд, эти два подхода, объединяют объективную и субъективную модальности в одно целое.

Некоторые лингвисты считают, что субъективная модальность не является обязательным признаком высказывания. Так, М. В. Ляпон утверждает, что «объем субъективной модальности уже объема объективной модальности. Смысловой основой субъективной модальности является оценка в широком смысле слова (как рациональная, так и эмоциональная)» (Ляпон, 1990, с. 303-304).

Противоречие М. В. Ляпон находит в определении объективной модальности: «Говоря об отношении позитивности / негативности высказывания и его объективной модальности, выраженной наклоном глагола, приходится выделять «действительную реальность» – утвердительное высказывание в индикативе; «недействительную реальность» – отрицательное высказывание в индикативе; «действительную нереальность» – утвердительное высказывание в конъюнктиве и т.д. Разрешение этих противоречий лежит, как представляется, в сфере когнитивной нагрузки категории модальности» (Ляпон, 1990, с.303-304).

Концепция В.З. Панфилова совпадает с концепцией М. В. Ляпон в том, что объективная модальность признается обязательным признаком любого высказывания (Панфилов, 1977, с. 74). Объективная модальность, по мнению лингвиста, «отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на который направлен познавательный акт. Субъективная модальность указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности» (Панфилов, 1977, с. 74).

В. З. Панфилов выделяет два вида объективной модальности:

- алетическую модальность;
- деонтическую модальность.

Данные виды объективной модальности отличаются тем, что «при алетической модальности в предложении отмечается возможность и необходимость с точки зрения реальных (физических) условий. При деонтической модальности в предложении воссоздается возможность и необходимость с точки зрения общественных норм, этических принципов и т.д.» (Панфилов, 1977, с. 74-75).

Не разграничивает модальность на «объективную» и «субъективную» Ю.С. Степанов: «субъект находится в позиции, зависимой от языковой формы, при этом право видеть и описывать окружающий мир локализовано (ограничено возможностями грамматической категории)» (Степанов, 1981, с. 238). По мнению Ю. С. Степанова, «в плане семантики модальность есть нечто, что может быть описано словами *необходимо, возможно, вероятно, желательно* и *т.п.* Выделялось два полюса: что *необходимо, возможно, вероятно* в силу объективного устройства мира, — «объективная модальность», и, с другой стороны, то, что *необходимо, возможно, вероятно, желательно*, по мнению человека, — «субъективная модальность»» (Степанов, 1981, с. 238). Если модальность рассматривается с точки зрения знаковой системы, то она (модальность), по словам Ю.С. Степанова, не будет являться ни объективной,

ни субъективной, а будет представлять собой объективно- относительную категорию (Степанов, 1981, с. 239).

Единство двух видов модальности (объективной и субъективной) отметил А. И. Фефилов, который разграничил понятия «содержание действительности», «неязыковая репрезентация», «намерение субъекта», переводящего в языковую форму понятийно - мыслительный образ действительности. В соответствии с таким подходом «коммуникативно-пропозициональное содержание высказывания формируется в противоречии и единстве двух его компонентов – семантического (отраженного в сознании и селектированного для языкового оформления содержания действительности) и прагматического (интенции, или авторского намерения, и способа языковой репрезентации неязыкового содержания)» (Фефилов, 1991, с. 71-72).

Наличие в теории модальности множества точек зрения по вопросу соотношения объективной и субъективной модальности свидетельствует о сложности данной категории и побуждает к ее дальнейшему (разноаспектному) исследованию.

Нам близка точка зрения П. А. Леканта, который считает, что «резкое противопоставление объективной и субъективной модальности неприемлемо <...>. Субъективная модальность не указывает на отношение к действительности, а говорящий, подчёркивая достоверность (*конечно*) или предположительность (*вероятно*) высказываемого, даёт тем самым свою оценку соотношения этого высказываемого с действительностью. Освещение объективной модальности отходит от говорящего, содержание её «обезличивается», лишается автора. Объективный характер значений реальности /ирреальности абсолютизируется, игнорируется то положение, что эти значения – не что иное, как оценка реальности высказывания говорящим» (Лекант, 2002, с. 103-104).

Нельзя не согласиться с такой интерпретацией модальности. В самом деле, во всяком высказывании, как речевой лингвистической единице, есть

«присутствие» говорящего: говорящий (субъект речи) выражает свое отношение к содержанию высказывания, определенной ситуации, окружающей действительности, к социуму. Следовательно, модальность всегда содержит субъективную составляющую (Кочеткова, Соловьева, 2014, с. 208-209).

Таким образом, деление модальности на два вида (*объективную модальность и субъективную модальность*) представляется нам неправомерным. Это *аспекты* единой категории модальности. Поэтому лишь для удобства исследования одного из аспектов модальности примем название «*субъективная модальность*» (Кочеткова, Соловьева, 2014, с. 208-209).

Под *объективной модальностью* (одним из аспектов единой категории модальности) мы понимаем выражение отношения сообщаемого к реальной / ирреальной действительности посредством наклонения глагола. Отношение говорящего (пишущего) к сообщаемому представляет *субъективный модальный план* высказывания (субъективную модальность).

§ 3. Оценочная модальность как функционально-семантическая категория. Средства выражения оценочной модальности

Функциональной разновидностью субъективной модальности мы считаем оценочную модальность, репрезентантом которой в предложении является оценочный компонент (мы его называем компонентом оценочной модальности и относим к средствам выражения оценочной модальности).

При изучении понятия «оценочная модальность» необходимо сначала рассмотреть понятие «оценочность», соотношение «оценочности» и «оценки», соотношение «оценочности» и «модальности».

В современной лингвистике многие ученые используют термин «оценка» (не «оценочность»), рассматривая ее (оценку) как многоаспектную категорию. Представлена она в исследованиях Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1988), В.В. Виноградова (Виноградов, 1950), Е. М. Вольф (Вольф, 1985), Н. А.

Герасименко (Герасименко, 1999, 2012), Г.А. Золотовой (Золотова, 1973), А. А. Ивина (Ивин, 1970), В. В. Леденёвой (Леденёва, 2000), П. А. Леканта (Лекант, 2002, 2006), Т.В. Маркеловой (Маркелова, 1996) и др. Среди работ, посвященных средствам выражения оценки, необходимо выделить труды Е. И. Беляевой (Беляева, 1985), Л. М. Васильева (Васильев, 1973), И. Р. Фёдоровой (Фёдорова, 2000), Н. А. Чернявской (Чернявская, 2001).

Категория оценки является объектом исследования разных разделов лингвистики. Следует отметить, что различные источники трактуют данный термин по-разному.

В «Словаре лингвистических терминов» понятие оценка трактуется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.» (Ахманова, 1969, с. 305). Кроме того, в данном словаре выделяется категория субъективной оценки, которая определяется как «семантико-синтаксическая категория, выражаемая соответствующим синтаксическим употреблением разных частей речи: существительного, качественного прилагательного и наречия, и выражающая отношение говорящего к предмету речи» (Ахманова, 1969, с. 193).

Н. В. Ильина дает такую трактовку термину «оценка»: «Оценка – умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели. Найдя предмет или его свойство полезным, приятным, добрым, красивым и т.п., он совершает оценку» (Ильина, 1982, с. 63).

Е.А. Чернявская, в отличие от Н. В. Ильиной, интерпретирует оценку как «языковую категорию, являющуюся отражением логической категории, мыслительных процессов, приводящих к установлению ценности всевозможных объектов» (Чернявская, 2001, с. 86).

Несмотря на многообразие существующих определений оценки, мы не находим существенных противоречий в интерпретации термина «оценка»;

инвариантом можно, как нам кажется, признать некий умственный (мыслительный) акт, суждение говорящего.

Реализацией «оценки», по нашему мнению, является «оценочность» (свойство оценки, результат оценки). Мы рассматриваем содержание понятия, обозначаемое термином «оценочность», как составляющую оценочной модальности (субъективной модальности). «Оценочность», в нашем понимании, является функционально-семантической категорией (в ее лингвистической интерпретации), выражающей отношение говорящего (пишущего) к объекту действительности с позиций «хорошо»/ «плохо».

Оценочность взаимодействует и с другими смежными языковыми явлениями:

- коннотацией (необходима для выражения эмоциональных или оценочных разновидностей высказывания);

- экспрессивностью (способ выражения настроения, чувств);

- эмоциональностью (средство или качество человека для проявления эмоций, мировоззрения).

Несмотря на взаимосвязь оценочности и вышеперечисленных категорий, данные категории не тождественны. Взаимосвязь проявляется в том, что оценочность выступает основным элементом в структуре и семантике представленных языковых явлений (коннотации, экспрессивности, эмоциональности).

Рассматривая соотношение оценочности и эмоциональности, Т.И. Кочеткова высказала мысль о том, что «человек не может выражать эмоций, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются» (Кочеткова, 2005, с. 83).

Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, т.к. в случае заинтересованности каким-либо объектом мы обязательно выражаем свое отношение к нему, т.е. даем оценку. Оценивание часто сопровождается проявлением чувств, эмоций.

Интересным представляется подход М.Ю. Федосюка в интерпретации оценки. Ученый связывает оценку с прагматическим содержанием слова, или

коннотацией: «Прагматическое содержание слова – это выражаемые словом оценки, во-первых, референта данного слова, во-вторых, адресата, в-третьих, ситуации общения (Федосюк, 2013, с. 24).

Дискуссионным остается вопрос соотношения эмоционального и рационального в оценочном суждении.

Т. В. Маркелова в зависимости от наличия в оценочном суждении эмотивного компонента разграничивает эмоциональную и рациональную оценку: «Первая (эмоциональная оценка) предполагает непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью и обычно выражается междометием или аффективным словом (*Ах! Поразительно! Негодяй!*). Рациональная оценка опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением (*Я считаю, что это хорошо; По всеобщему мнению, он поступил плохо.*) и т.п. Однако при разных формах оценок соотношение рационального и эмоционального меняется, и не всегда эти два вида оценок строго дифференцируются. Так, трудно разграничить рациональное и эмоциональное в высказываниях типа: *Он настоящий герой; Он поступил как отъявленный негодяй*» (Маркелова, 1996, с. 82-83).

Эмоциональное и рациональное в оценочном высказывании выделяют и Н. А. Герасименко (Герасименко, 1999, 2012), В. В. Леденёва (Леденёва, 1994, 2000), П. А. Лекант (Лекант, 2005), Т. Е. Шаповалова (Шаповалова, 2000).

Оценочное суждение имеет свою структуру. А. Вежбицкая выделяет два основных элемента оценочной структуры: субъект и объект (Вежбицкая, 1999, с.67-68).

Е.А. Чернявская противопоставляет субъект/объект в оценочной структуре и субъективность/объективность в ее семантике и считает эти явления разнопорядковыми. «И субъект, и объект оценочной структуры предполагает наличие субъективного и объективного факторов, которые находятся в сложном взаимодействии. Субъект выражает свое отношение об объекте оценочного высказывания и при этом опирается на нормативные, стереотипные

представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки. Объект, в свою очередь, также вбирает в себя субъективные (субъектно-объектные отношения) и объективные (свойства объекта) признаки» (Чернявская, 2001, с. 126-127).

Мы разделяем мнение тех ученых, которые выделяют два компонента оценочной структуры: субъект (тот, кто оценивает) и объект (то, что оценивается). К субъекту мы относим лицо, социум – того, кто оценивает другое лицо или социум, ситуацию или событие, действительность в целом, которые составляют объект оценочной структуры.

Главной особенностью оценочного высказывания, по мнению А.А. Ивина, является то, что «в нем всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом» (Ивин, 1970, с. 22).

По нашему мнению, оценочность всегда носит субъективный характер, т.к. оценивая какой-либо объект действительности, мы всегда выражаем личностное отношение (положительное или отрицательное) к данному объекту. В языкознании сложились различные мнения по поводу соотношения категорий оценочность и модальность. С одной стороны, данные категории рассматриваются лингвистами как разные явления [А. В. Бондарко, Т. В. Маркелова], с другой стороны, оценочность рассматривается как вид модальности [А. Вежбицкая, Е. М. Вольф, М. В. Ляпон].

Т. В. Маркелова говорит о «функционально-семантической организации двух сопоставляемых категорий в виде функционально-семантических полей и отмечает, прежде всего, их разный характер – моноцентризм функционально-семантических полей модальности и полицентризм функционально-семантических полей оценки» (Маркелова, 1996, с.83).

Модальная парадигма, по словам Т.В. Маркеловой, создаваемая формами склонения глагола, модальными словами и частицами, в той или иной мере

полноты свойственна предложению-высказыванию, выполняющему различные коммуникативные цели. Парадигматика же оценочных структур в функционально-семантических полях оценки зависит от таких элементов многокомпонентной семантики оценочного высказывания, как объект и субъект оценки, которые отражены в денотативной ситуации высказывания – ментальном акте оценки (Маркелова, 1996, с. 82-83). Ср.: *Иди медленнее* (повелит. накл.) *Ходил ли ты на улицу?* (изъявит. накл., мод. частица «ли») – *Мне нравится эта книга* (нравится в значении «одобрять»); *Я не люблю эту песню* (не люблю в значении «прійтись не по душе»).

Главными аргументами при разделении модальности и оценочности в системно-структурном и функционально-семантическом аспектах Т. В. Маркелова считает «устойчивость и признанность высказывания как главного средства выражения оценочного значения, обязательность уникальных для него имплицитных семантических компонентов – шкалы оценочности и стереотипов» (Маркелова, 1996, с. 82).

Т.В. Маркелова высказала мысль о том, что «оценочность включает пространственный спектр субъективных, эмоциональных, рациональных, алетических, персуазивных, временных, пространственных, экзистенциональных отношений» (Маркелова, 1995, с. 67).

В книге «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» А. В. Бондарко рассматривает оценочность и модальность как разные, но равнозначные явления: «оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» (Бондарко, 1990, с. 61).

А. Вежбицкая придерживается иной точки зрения, нежели Т.В. Маркелова и А. В. Бондарко, и интерпретирует оценочность как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценочное значение или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную,

т.е. модальную компоненту, причем первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» (Вежбицкая, 1999, с. 11). Например: *И, счастливо вздохнув, она пошла за перегородку (И. Бунин); Долетал отрывистый лай, злой, безнадежный, плачущий (И. Бунин)*. В первом предложении ситуация расценивается с позитивной стороны, а во втором – с негативной стороны. Всё зависит от оценочной семантики слов, которые употребляются в предложениях (Вежбицкая, 1999, с. 11).

Этой же точки зрения придерживается Е.М. Вольф. Лингвист говорит о том, что «оценочность можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» (Вольф, 1985, с. 11).

Е.М. Вольф вводит термин «оценочная модальность», которая «определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» (Вольф, 1985, с. 11-12).

В книге «Функциональная семантика оценки» Е. М. Вольф называет основные элементы оценочной модальности: субъект и объект, которые связаны оценочным предикатом (Вольф, 1985, с. 12).

Нельзя не согласиться с М.В. Ляпон в том, что «оценочность составляет семантическую основу модальности», а оценочное высказывание «является отражением элементарного мыслительного акта и предполагает, прежде всего, существование оценивающего субъекта (кто оценивает?), объекта (что оценивается?) и самого результата оценочного высказывания» (Ляпон, 1971, с. 237).

На наш взгляд, оценочность и модальность представляют собой самостоятельные и взаимосвязанные категории. Каждая из этих категорий выражает определенное отношение говорящего (субъекта) к содержанию (объекту) высказывания. Оценочность касается только положительного или отрицательного отношения субъекта речи к объекту действительности и

обнаруживается в предложении как проявление менталитета, умственных способностей субъекта; модальность выражает соответствующее отношение с позиции реальности – ирреальности, достоверности – вероятности и т. д. (т. е. является обязательным компонентом высказывания). Модальность может выражаться и без участия компонента оценочности. Например, в предложении *Они сегодня ушли* глагол «ушли» (в предложении – предикат, не является оценочным), употребленный в форме изъявительного наклонения, выражает реальную модальность, хотя модальное значение в семантике самого глагола отсутствует; модальность выражается морфологической формой глагола. В данном высказывании отсутствуют оценочные компоненты, но этот факт не влияет на выражение модальности.

Изучив соотношение понятий «оценочность» и «оценка», а также связь оценочности и модальности, обратимся к понятию «оценочная модальность».

Под *оценочной модальностью* мы понимаем выражение отношения говорящего (положительное или отрицательное) к объекту, который оценивается субъектом речи в предложении.

Оценочную модальность мы рассматриваем как функциональную разновидность субъективной модальности. В предложении субъективная модальность может выражаться оценочным компонентом, а может выражаться и иначе (без участия оценочного компонента). Сравним: *Он был глупым человеком* (в данном предложении оценочную модальность следует рассматривать как проявление субъективной модальности, выраженной при помощи оценочного компонента «глупым»); *Разве вы не придете?* (выразителями субъективной модальности являются компоненты, которые не содержат оценочной семантики: вопросительная интонация и модальная частица *разве* усиливают модальное значение сомнения – фактор субъективности).

Таким образом, модальность имеет и объективный, и субъективный характер и субъективное выражение; при этом субъект в предложении может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно.

Оценочная модальность, как и другие языковые категории, имеет свои средства выражения в языке. С помощью этих средств говорящий может оценивать различные явления действительности как с положительной, так и с отрицательной сторон.

Мы уже говорили о том, что оценочная модальность является функциональной разновидностью субъективной модальности, следовательно, средства оценочной модальности можно рассматривать как средства субъективной модальности.

В современном языкознании лингвистов всегда интересовал вопрос о средствах выражения субъективной модальности (и при выделении ее как самостоятельного вида модальности, и при рассмотрении ее как аспекта единой категории модальности). Многие исследователи [А. В. Бондарко (Бондарко, 1984, 2001), В.В. Виноградов (Виноградов, 1950), А. Н. Гвоздев (Гвоздев, 1958), Г. А. Золотова (Золотова, 1973), П. А. Лекант (Лекант, 1986, 2002), И. И. Мещанинов (Мещанинов, 1945), Г. П. Немец (Немец, 1989), В. З. Панфилов (Панфилов, 1977), А. М. Пешковский (Пешковский, 1938), А. Н. Прияткина (Прияткина, 1990) и др.] в качестве главного средства субъективной модальности выделяют вводно-модальные слова, или модальные слова (термин не является устойчивым), выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания (слова со значением уверенности / неуверенности, предположительности / убежденности и т.д.).

Вводно-модальные слова как основное средство выражения субъектного аспекта модальности выделяет В. В. Виноградов. Академик пишет о функциях вводных слов: «Модальность, выражаемая вводными синтагмами совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката» (Виноградов, 1950, с. 55). И далее: «Очевидно, что модальные краски и оттенки, создаваемые

вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» (Виноградов, 1950, с. 59).

Сами модальные слова не выражают положительную или отрицательную оценку, но в высказывании выступают в роли средств выражения субъективной модальности. Сравним предложения: *Девочка хорошая – Вероятно, девочка хорошая*. Модальное слово «вероятно» заставляет нас сомневаться в достоверности сказанного.

Средством усиления субъективно-модального значения предложения служит интонация (*Лето было веселое – Лето было веселое!*). Не случайно многие лингвисты относят интонацию не только к средствам предикации, но и к средствам модальности [А. В. Бондарко, 1971; В. В. Виноградов, 1950; Дешериева, 1988; П. А. Лекант, 2002 и др.].

В качестве универсального средства выражения модальности П. А. Лекант выделил «интонационно-синтаксический способ, так как интонация вместе с предикативностью являются определяющими признаками предложения. В предложениях, выражающих значения реальности или ирреальности морфологическим способом, интонация является сопровождающим средством выражения модальных значений» (Лекант, 2002, с. 105).

Некоторые ученые в качестве дополнительного средства выражения модальности выделяют модальные частицы [*разве, неужели...*] (Г. А. Золотова, 1973; Н. Ю. Шведова, 1960). Эти частицы, как утверждает Г. А. Золотова, могут выражать и «общую субъективную модальность (если относятся к предикату): *Ты меж сестер словно горлинка белая промежду сизых простых голубей* (Некрасов), и частную (если относятся к одному из остальных компонентов предложения): *Бежит и слышит за собой как будто грома грохотанье*

(Пушкин); *По тебе от ветру, Словно в синем море, Волны так и ходят...*(Кольцов)» (Золотова, 1973, с. 150).

Модальные частицы, как нам представляется, при выражении оценочной модальности способны менять коннотацию слова, являющегося субъектом (или объектом) предложения. Сравним предложения *Мальчик плохой – Разве мальчик плохой?* Данный пример показывает, что отрицательное значение оценочного слова «*плохой*» при включении в предложение частицы *разве* меняется на положительное. Очень важен в этом случае широкий контекст.

Как средство выражения субъективной модальности лингвисты выделяют междометия (В. В. Виноградов, 1950; И. Р. Гальперин, 1981). Мы считаем, что междометия при выражении оценочной модальности лишь усиливают модальное значение (*Погода сегодня мерзкая – Ох, погода сегодня мерзкая*), поэтому, по нашему мнению, их следует относить к дополнительным средствам оценочной модальности.

К средствам выражения субъективной модальности относятся также союзы (В. В. Виноградов, 1950; М. В. Ляпон, 1971), порядок слов (А. В. Бондарко, 1971), личные местоимения (Г. Я. Солганик, 1984), формы склонения глагола (В. В. Виноградов, 1950; П. А. Лекант, 2002; Н.Е. Петров, 1982).

Оценочная модальность может выражаться языковыми единицами разных уровней. Рассмотрим основные и дополнительные средства выражения оценочной модальности.

На морфемном уровне средствами выражения «оценочной модальности» выступают суффиксы субъективной оценки (*Ты мне привези хоть маленького, только живого. Ну, хоть вот, вот такого... Хоть слоненышка; Я сам, Машенька, не знаю куда... только, кажется, я сегодня к вечеру и в самом деле приведу сюда, к нам, настоящего слона [А. Куприн]*). В словах «слоненышка» и «Машенька» средствами оценочной модальности являются суффиксы

субъективной оценки, выражающие положительное отношение субъекта к объекту действительности.

На морфемном уровне можно выделить в качестве средства выражения оценочной модальности префиксы со словообразовательным оценочным значением (*Девочка на празднике была **превеселой***). В слове «*превеселой*» (очень веселый, задорный) средством оценочной модальности является префикс со словообразовательным оценочным значением «усиление признака». Слово синонимично превосходной степени сравнения прилагательного. Средства выражения оценочной модальности морфемного уровня мы относим к основным средствам. Однако нас, прежде всего, интересуют сами лексические единицы, образованные с помощью данных морфем (суффиксов субъективной оценки, префиксов со словообразовательным оценочным значением), поэтому именно такие слова мы рассматриваем среди других слов с оценочным лексическим значением как «готовое» лексическое средство оценочной модальности.

В качестве средства выражения оценочной модальности мы выделяем оценочные слова (имеющие оценочную семантику), с помощью которых субъект речи дает оценку лицу, предмету, событию, явлению, действительности. Это, прежде всего, знаменательные части речи: существительные (***Лживость** никого не украшает*), прилагательные (***Истинный** друг должен быть у каждого человека*), глаголы (*Он **солгал** относительно своего приезда*), наречия (*Собака всегда служила ему **верно***).

К основным средствам выражения оценочной модальности на уровне лексики мы также относим прилагательные в краткой форме, которые выступают в предложении как предикаты с характеризующим значением (*Он **высок** ростом, **худощав**, но **широкоплеч** и **строен**. Глаза у него блестят дико, он очень **ловок**, в шелковой малиновой рубашке, бархатных шароварах и длинных сапогах [И. Бунин]). Характеризующие слова (помимо кратких прилагательных) составляют весьма объемную группу оценочных слов (*хороший, красивый,**

умный, милый, глупый и т. д.). Сами по себе оценочные слова не выражают модальное значение. Но, будучи включенными в высказывание, они становятся выразителями субъективной модальности (выражается отношение говорящего к предмету речи). Например, *Хороший – Мальчик хороший*.

В роли средств оценочной модальности на фразеологическом уровне могут выступать фразеологические единицы (*Он сейчас лопнет с досады*). В предложении используется фразеологическая единица «лопнуть с досады» в значении «разозлиться».

В особую группу средств выражения «оценочной модальности» мы включили сравнения с оценочным значением (*Толпятся бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнувших краской, приходят "барские" в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова [И. Бунин]*), метафору с оценочной семантикой (*Ветер по целым дням рвал и трепал деревья [И. Бунин]*).

Таким образом, мы выделили основные и дополнительные средства выражения оценочной (субъективной) модальности на разных уровнях языка. Оценочные слова мы относим к основным средствам выражения оценочной модальности (в предложении они рассматриваются нами в качестве компонента оценочной модальности).

Выводы по главе I

1. Под предикацией (вслед за П. А. Лекантом) мы понимаем «приписывание признака предмету высказывания посредством двух сочетающихся компонентов предложения»; предикацию рассматриваем как акт воссоздания пропозиции.

2. В качестве самостоятельного вида предикации мы выделяем латентную предикацию (в дополнение к разработанной П. А. Лекантом классификации видов предикации).

3. Под модальностью мы понимаем семантико-грамматическую категорию, выражающую отношение субъекта речи (говорящего) к объекту действительности (лицу, социуму, явлению, событию, окружающей действительности в целом) с позиций реальности-ирреальности, достоверности-вероятности, необходимости, долженствования, возможности, оценки и т.д.

4. Модальность, наряду с предикацией, получает свое выражение только в предложении.

5. Модальность всегда содержит субъективную составляющую (субъективную модальность). Субъективная модальность и объективная модальность являются аспектами единой семантико-грамматической категории модальности.

6. Оценочная модальность является функциональной разновидностью субъективной модальности.

7. Основным лексическим средством выражения оценочной модальности являются оценочные слова.

Глава II. Оформление предикации в двусоставных предложениях с компонентом оценочной модальности

Категория предикации связана с категорией модальности. Предикация неотделима от модальности. Именно модальность указывает на ту или иную связь с действительностью. Не только модальность связана с действительностью, но и предикация. Модальность выражает отношение субъекта к явлениям действительности, предикация устанавливает связи между субъектом действия и предикатом. Данная связь устанавливается в предложении, которое и является отражением действительности. Предикация представляет собой структурный центр предложения (субъект-предикат), остальные компоненты предложения дополняют и расширяют высказывание (Лекант, 2002, с. 149). Средства оценочной модальности позволяют выражать отношение к лицу, предмету, явлению не только эксплицитно, но и имплицитно – в скрытой (латентной) форме.

Проблема смыслового (семантического) объема модальности становится одной из главных проблем синтаксической науки. Оценочные слова, которые мы выделили в качестве средства выражения оценочной модальности, образуют в двусоставном предложении второй план модальности, когда оценочное слово выступает в качестве субъекта и (или) объекта предложения[†]. В таком случае субъекту и (или) объекту дается говорящим оценка, т.е. предмету приписывается признак – происходит предикирование, формально не выраженное предикативной единицей. Предикация в этом случае представлена в латентном виде (мы называем такую предикацию *латентной*).

Выделенная нами латентная предикация близка по функциональному свойству потенциальной (по Леканту П.А.) предикации. И та и другая повышает предикативный потенциал предложения. Наряду с основной потенциальная предикация формально присутствует в предложении

[†] Основной модальный план предложения представлен при этом предикативной основой предложения.

(*Миленький голосок дрожал от волнения* (А. Куприн)): есть атрибутивное словосочетание, которое при трансформации может быть развернуто в предикативную единицу (*Голосок миленький*). Потенциальная предикация более формализована, т.к. потенциальный предикат явно присутствует при субъекте предикирования. При латентной предикации скрытые предикативные отношения выражаются только одним словом (нет второго формального выразителя). Например, в предложении *Вторая красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика от первой...*(И. Бунин) субъект предложения является и объектом оценивания говорящим (для говорящего эта *девушка* [по контексту] – *красавица*).

Оценочные слова могут быть средством оформления как примарной (основной) предикации, так и латентной. При латентной предикации (в предложении она наслаивается на основную) с участием оценочного слова в функции подлежащего в двусоставном предложении имплицитно присутствуют субъект речи (говорящий), эксплицитно – объект оценивания говорящим (кто или что оценивается) – он же субъект предложения – эксплицитно присутствует предикат основной предикации и имплицитно – предикат латентной предикации. Оценочное слово в структуре предложения может занимать место не только субъекта предложения, но и предиката предложения и объекта предложения. Рассмотрим предикативный потенциал двусоставных предложений, содержащих оценочный компонент в качестве формального презентанта субъекта предложения, предиката предложения и объекта предложения.

§ 1. Оформление предикации в предложении с субъектом предложения, выраженным оценочным словом

Рассматривая оформление предикации с субъектом предложения, выраженным оценочным словом, мы ставим задачу выявить скрытое

«приписывание» оценочного признака субъекту – объекту, раскрыть способы выражения отношения говорящего к лицу, предмету или явлению действительности, т.е. пытаемся показать наличие «латентной» предикации в предложении с субъектом, выраженным оценочным словом, а также пытаемся установить, что представляет собой предикативная структура таких предложений, каков модальный план предложений. Мысли о дополнительном модальном плане предложения находим в трудах таких ученых, как В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, И. Г. Осетров. Так, например, В. В. Виноградов пишет о вводно-модальных словах (как основных средствах выражения субъектного аспекта модальности): «... модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» (Виноградов, 1950, с. 59). Г.А. Золотова различает «внутреннюю» и «внешнюю» модальности. «Внешняя» модальность образует первый тип модальности, а степень уверенности говорящего в сообщаемых им фактах – второй тип модальности. Модальности первого и второго типа соотносятся как основная и дополнительная модальности предложения (Золотова, 1973, с. 6-7).

В качестве субъекта предложения могут выступать как личные существительные, так и неличные. Это могут быть производные и непроизводные слова, оценочное значение которых сформировалось при помощи словообразовательных средств. Среди личных существительных выделяется подгруппа метафорически личных существительных.

Рассмотрим примеры, где в качестве субъекта предложения выступают личные существительные.

Красавчик с газельными глазами принес ему кофе (И. Бунин).

В семантической структуре данного высказывания присутствует основная пропозиция (*красавчик принес* [из контекста ясно, что *красавчиком* назван

официант]), представленная в субъектно-предикатной форме, и дополнительная пропозиция (*он [официант] – красавчик*).

Слово с оценочным значением «*красавчик*» относится к основному лексическому средству выражения модальности – является средством выражения оценочной (субъективной) модальности в предложении. Если есть средство оценочной (субъективной) модальности, значит, есть модальность. Если есть модальность, значит, есть предикация. Данное оценочное слово участвует в оформлении и основной предикации, и латентной, которая наслаивается на основную предикацию. Латентная предикация выявлена при семантической трансформации предложения (когда мы видим дополнительную пропозицию): субъекту предложения (*официант*) приписывается оценочный признак (*красавчик*) говорящим, т.е. *принес кофе не просто официант, а тот, которого я (говорящий) считаю красавчиком*. Оценочное слово, оказавшись в структуре предложения, формирует дополнительный модальный план: *Он (субъект предложения – официант) – красавчик*. Семантическая структура предложения усложняется еще одной пропозицией: *красавчик имеет газельные (большие, выразительные) глаза*. Предикативный потенциал становится шире, т.к. предикативность не заключается только в выражении примарной предикации. В атрибутивном словосочетании «*газельные глаза*», которое представляет потенциальную предикацию, оценочное прилагательное «*газельные*» (употреблено в метафорическом значении) относится к средству выражения оценочной модальности. Данное слово в высказывании выступает в качестве выразителя признакового значения: субъект речи так воспринимает и оценивает объект предложения (*глаза*).

Пропозициональный план данного предложения является сложным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные – латентной предикацией и потенциальной предикацией.

Опытная оболъстительница поднесла руку к его губам (И. Бунин).

В данном предложении несколько пропозиций: одна из них основная (*обольстительница поднесла [из контекста ясно, что речь идет о женщине]*), представленная в форме S-P, другая – дополнительная (*она [женщина] – обольстительница*).

Слово с оценочной семантикой «*обольстительница*» («красивая женщина» [Ефремова, 2000; Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1981-1984]) относится к основному лексическому средству выражения оценочной модальности. С помощью данного оценочного слова выражается оценочная (субъективная) модальность: субъекту предложения (*женщина*) приписывается оценочный признак (*обольстительница*) субъектом речи. Оценочный предикат (*обольстительница*) участвует в оформлении латентной предикации. Вместо слова «*женщина*», которое не является оценочным, говорящий для выражения своего отношения к данному лицу, использует оценочно маркированное слово «*обольстительница*». Оказавшись в структуре предложения, оценочное слово участвует в формировании второго модального плана.

Семантическая структура предложения усложняется наличием еще одной пропозиции: «*опытная обольстительница*». Данная пропозиция, репрезентированная атрибутивным словосочетанием, представлена потенциальной предикацией. Субъекту предложения приписывается добавочный оценочный признак посредством оценочного прилагательного «*опытная*», происходит усиление субъективно-модального значения.

Предложение представлено несколькими пропозициями (основной и двумя дополнительными пропозициями). Основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные – латентной предикацией и потенциальной предикацией.

Кресло с полным, бледным, голубоглазым генералом ровно катила навстречу к нему высокая, статная красавица в сером платье... (И. Бунин).

В данном высказывании несколько пропозиций: одна из них является основной, представленной в предложении в виде S-P (*красавица [по контексту*

ясно, что красавицей является девушка] катила), другие – дополнительные (она [девушка] – красавица; красавица высокая; красавица статная; генерал полный; генерал бледный; генерал голубоглазый; платье серое).

Слово с оценочным значением «красавица» относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности. Данное оценочное слово формирует в предложении дополнительный модальный слой. Субъект речи оценивает субъект предложения. С помощью данного оценочного слова оформляется латентная предикация, которая сочетается с основной предикацией. Субъекту предложения (*девушка*) субъектом речи приписывается оценочный признак (*красавица*), т.е. *кресло катила не просто девушка, а та, которую я (субъект речи) считаю красавицей.*

Субъекту предложения приписывается дополнительный оценочный признак посредством оценочных прилагательных (*высокая, статная*), которые являются основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, усиливающими в высказывании субъективно-модальное значение. Существительное «генерал» выступает в роли объекта предложения, но не является оценочным словом. Добавочный оценочный признак данный объект получает посредством оценочных слов (*полный, бледный*), которые выступают в роли основных лексических средств выражения оценочной (субъективной) модальности, а значит, являются выразителями оценочной (субъективной) модальности (так воспринимает и оценивает объект предложения говорящий).

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные пропозиции представлены латентной предикацией (*девушка – красавица*) и несколькими потенциальными предикациями (*красавица высокая; красавица статная; генерал полный; генерал бледный; генерал голубоглазый; платье серое*).

Среди них стоял беззаботный гуляка и красавец... (И. Бунин).

Данное высказывание представлено несколькими пропозициями: *гуляка и красавец стоял* [по контексту ясно, что гулякой и красавцем является Лоренцо]; *Лоренцо – красавец; гуляка беззаботный*).

Оценочные слова «гуляка» («тот, кто праздно и разгульно живет» [Ефремова, 2000; Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1981-1984; Лопатин, Лопатина, 2004]) и «красавец» являются выразителями оценочной (субъективной) модальности, а значит, принимают участие в латентном предикативании. Оказавшись в структуре предложения, они формируют дополнительный модальный план. Латентная предикация наслаивается на основную предикацию. Говорящим субъекту предложения (*Лоренцо*) приписывается оценочный признак (*гуляка, красавец*), т.е. *стоял не просто Лоренцо, а тот, которого субъект речи считает гулякой и красавцем*. Оценочное прилагательное «беззаботный» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности] в сочетании с оценочным существительным усиливает субъективно-модальное значение предложения.

Предложение является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций, а значит, и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет латентной, слитной и потенциальной предикаций.

Мерзавец этого заслужил (А. Куприн) [*мерзавцем назван офицер – О.С.*].

Перед нами семантически сложное предложение. В структуре данного предложения представлены основная (*мерзавец заслужил*) и дополнительная пропозиции (*офицер – мерзавец*).

Оценочное существительное «мерзавец» как выразитель оценочной (субъективной) модальности участвует в оформлении латентной предикации (латентная предикация наслаивается на основную предикацию), формируя второй слой модальности.

Субъекту предложения (*офицер*) говорящим приписывается оценочный признак (*мерзавец*), т.е. *заслужил не просто офицер [по контексту], а тот, которого я (субъект речи) считаю мерзавцем*. Оценка отрицательная. При развертывании предложения оценочное слово «*мерзавец*» становится предикатом, участвующим в выражении латентной предикации (*Офицер этого заслужил; Офицер – мерзавец*).

Таким образом, в предложении представлено несколько пропозиций: основная и дополнительная. Основная пропозиция представлена основной предикацией, а дополнительная – латентной предикацией.

Так людишки и работать бросят... (Т. Толстая).

Данное предложение относится к семантически осложненному предложению. Основная пропозиция формализована и представлена основной предикацией (*людишки работать бросят*).

За счет оценочного слова «*людишки*» («презренные, недостойные люди» (Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940; «уничижит. к слову *люди*» [Ефремова, 2000]), включенного в высказывание, предикативный потенциал становится шире, появляется второй модальный план. Субъект речи субъекту предложения (*люди*) приписывает оценочный признак (*людишки*), т.е. *работать бросят не просто люди, а те, которых я (субъект речи) считаю людишками и к которым уничижительно отношусь*. Субъект предложения приобретает отрицательную характеристику. Отрицательное оценочное значение у слова «*людишки*» формируется посредством суффикса субъективной оценки *-ишк-*, с помощью которого образовано слово с уничижительным значением.

В данном предложении несколько пропозиций (основная и дополнительная). Предложение является полипредикативным, т.к. основная и дополнительная пропозиции представлены основной и латентной предикациями соответственно.

Этот старый идиот показывал нам целый шкафчик с ядами, воображая себя Леонардо да Винчи (И. Бунин) [идиотом назван отец Гали Ганской – О.С.].

Высказывание содержит несколько пропозиций: основную, которая развернута в субъектно-предикатную структуру (*идиот показывал*), и несколько дополнительных пропозиций (*отец – идиот; идиот старый; шкафчик целый; идиот воображал из себя Леонардо да Винчи*).

Оценочное слово «*идиот*» расширяет предикативный потенциал предложения и участвует в формировании дополнительного плана модальности. Говорящий дает отрицательную оценку (*идиот*) субъекту предложения (*отец*). Оценочный предикат (*Отец – идиот*) участвует в оформлении латентной предикации.

В данном предложении оформляется еще один вид предикации: добавочная предикация. Данный вид предикации представлен деепричастным оборотом, который вносит дополнительный оценочный оттенок, усиливая субъективно-модальное значение.

Осложнение семантической структуры предложения происходит посредством атрибутивного словосочетания «*старый идиот*», благодаря которому усиливается субъективно-модальный план высказывания.

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*идиот показывал*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*отец – идиот*), добавочной предикацией (*идиот воображал из себя Леонардо да Винчи*) и несколькими потенциальными предикациями (*идиот старый; шкафчик целый*).

Старушонка поминутно швыряет ухваты, миски...(И. Бунин) [из контекста ясно, что старушонкой названа свекровь: «...свекровь кидается на невесток, засучивая темные жилистые руки, надрывается от визгливой брани, брызжет слюной и проклятиями то на одну, то на другую].

Данное высказывание является семантически сложным, т.к. в нем содержится две пропозиции: основная пропозиция (*старушонка швыряет*) и дополнительная пропозиция (*эта женщина [свекровь] – старушонка*).

Слово с оценочным значением «старушонка» участвует в оформлении латентной предикации, которая накладывается на основную. Оценочное существительное, оказавшись в структуре высказывания, участвует в формировании второго слоя модальности и расширяет предикативный потенциал предложения. Субъект речи приписывает оценочный признак субъекту предложения, (*я [субъект речи] называю человека, о котором сообщается в предложении, старушонкой и уничижительно к ней отношусь*). («Старушонка – уничиж. к сущ. *старуха*» [Ефремова, 2000]). В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова существительное «старушонка» имеет значение «уменьш.- ласк. к слову *старуха*». Субъект предложения получает отрицательную характеристику. Это значение усиливается соседством слова «старушонка» с оценочным глаголом «швыряет» и широким контекстом.

Оценочный глагол «швыряет» в предложении является предикатом. Модальность выражается грамматической основой (S и P), где предикат «швыряет» – простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени изъявительного наклонения.

Предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (грамматической основой предложения), дополнительная пропозиция – латентной предикацией (не имеющей полного формального выражения).

Властная красавица не противилась отчаянному негодяю... (И. Бунин).

Данное предложение содержит несколько пропозиций. Одна из пропозиций является основной (*красавица [по контексту красавицей является бабушка] не противилась*) и представлена грамматической основой предложения. Другие пропозиции – дополнительные (*бабушка – красавица; красавица властная;*

негодяй отчаянный; Ткач [по контексту негодяем является дворовый Ткач] - негодяй).

Оценочное существительное «*красавица*», являясь выразителем оценочной (субъективной) модальности, участвует в оформлении латентной предикации. Этот скрытый слой предикации сочетается с основной предикацией. Субъекту предложения (*бабушка*) приписывается оценочный признак (*красавица*) субъектом речи, т.е. *не противилась не просто бабушка, а та, которую я (субъект речи) считаю красавицей*. Появляется второй план модальности. В латентном предикировании участвует и объект предложения (*дворовый Ткач*), которому приписывается оценочный признак (*негодяй*) говорящим, т.е. *дворовый Ткач, по мнению говорящего, негодяй*. Объект предложения получает отрицательную характеристику. Это видно не только из данного контекста, но и из более широкого контекста (*Властная красавица не противилась отчаянному негодяю... Дворовый Ткач был сослан в Сибирь*).

Оценочные слова «*властная*» и «*отчаянный*» усиливают субъективно – оценочный фон предложения.

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные пропозиции – латентными предикациями (*бабушка – красавица; Ткач – негодяй*) и несколькими потенциальными предикациями (*красавица властная; негодяй отчаянный*). В данном предложении степень предикативности является высокой, т.к. в роли и субъекта предложения, и объекта предложения выступают оценочные слова.

Рассмотрев предложения, где в качестве субъекта предложения выступает личное существительное, мы пришли к выводу о том, что модально-предикативный потенциал предложений с личным существительным в роли субъекта предложения достаточно высок. Как правило, в роли субъекта предложения выступают существительные ёмкие по выражению оценочного значения, не требующие дополнительного контекста. В некоторых случаях

коннотативное оценочное значение слова, субъекта предложения, поддерживается контекстом, за счет этого степень общей модальности предложения становится выше.

В качестве субъекта предложения может выступать метафорически личное существительное:

Через минуту молочно-седая королева, покачиваясь, вошла в палевом шелковом платье... (И. Бунин).

В данном предложении несколько пропозиций: основная пропозиция (королева вошла [по контексту ясно, что королевой является тетья: «...на тётё были тесные шёлковые туфли. Подкатив дядю к столу, тетья тотчас, не оборачиваясь, плавно вышла, – студент успел только заметить странность её глаз: они не моргали.]), дополнительные пропозиции (тетья – словно королева; королева молочно-седая; платье палевое; платье шелковое; королева покачивалась).

Контекстуально оценочное слово «королева» относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности, участвует в латентном предикциировании. Второй план модальности соотносится со скрытой предикацией, которая накладывается на основную предикацию. Субъекту предложения (тетья) приписывается оценочный признак (королева) субъектом речи, т.е. *вошла не просто тетья, а та, которую я (субъект речи) считаю королевой*. Оценка положительная.

Существительное «королева» само по себе не является оценочным словом и имеет основное значение «жена короля» (Ефремова, 2000; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940), но в данном контексте приобретает оценочное значение. В предложении существительное «королева» употреблено в переносном значении («статная женьщина, которая выделяется среди других» [Ефремова, 2000]).

В предложении также оформляются добавочная предикация при помощи деепричастия «покачиваясь» и несколько потенциальных предикаций (королева

молочно-седая, платье палевое, платье шелковое). Субъекту предложения говорящий дает дополнительную оценку, выражая ее признаковым словом-прилагательным «*молочно-седая*», в результате чего усиливается субъективно-модальный план предложения.

Таким образом, пропозициональный план предложения является сложным (представлен основной и дополнительными пропозициями). Основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные пропозиции представлены латентной предикацией (*тетя – словно королева*), несколькими потенциальными предикациями (*королева молочно-седая, платье палевое, платье шелковое*) и добавочной предикацией (*королева покачивалась*). Наличие нескольких предикаций отражает полипредикативный характер предложения.

Метафорическое обозначение субъекта предложения усиливает оценочное значение субъекта (имплицитно–добавочного предиката), тем самым повышая модально-предикативный фон предложения.

Рассмотрим примеры, где *в качестве субъекта предложения выступают неличные существительные*.

Там у меня на дворе есть еще премилый барсучишка... (А. Куприн).

В структуре данного предложения присутствует несколько пропозиций, одна из которых основная (*есть барсучишка*), представленная субъектно-предикатной структурой, другие – дополнительные (*он [барсук] – барсучишка; барсучишка премилый*).

Слово с оценочной семантикой «*барсучишка*» является основным средством выражения оценочной (субъективной) модальности. С помощью суффикса субъективной оценки *-ишк-* образовано слово с уменьшительно-ласкательным значением. Данное оценочное слово оформляет латентную предикацию, которая наслаивается на основную предикацию (появление второго слоя модальности влечет за собой появление скрытой предикации): субъекту предложения (*барсук*) приписывается оценочный признак (*барсучишка*) субъектом речи (говорящим). Субъект предложения приобретает

положительную коннотацию. Слово «*премилый*» усиливает оценку субъекта. Атрибутивное словосочетание «*премилый барсучишка*» представляет потенциальную предикацию. Префикс *пре-* с оценочным словообразовательным значением формирует оценочное значение прилагательного «*премилый*», являющегося в сочетании с существительным «*барсучишка*» в предложении основным средством выражения оценочной (субъективной) модальности и указывающего на чрезмерное проявление признака предмета. Так говорящий оценивает субъект предложения. Таким образом, в предложении сочетается несколько видов предикации: основная (*есть барсучишка*); потенциальная (*барсучишка премилый*) и латентная (*он [барсук] – барсучишка*, т.е. *не просто барсук, а тот, к которому я (говорящий) ласкательно отношусь*). Пропозициональный план данного предложения является сложным: основная пропозиция представлена примарной (основной) предикацией, дополнительные – латентной предикацией и потенциальной предикацией.

Рожка преестественная, ротастая... (А. Куприн).

Предложение включает две пропозиции, которые реализуются слитной предикацией (*лицо [рожка] преестественное; лицо [рожка] ротастое*). Имплицитно в предложении содержится еще одна пропозиция, представленная латентной предикацией. При латентной предикации скрытые предикативные отношения выражаются одним словом – оценочным существительным «*рожка*» («лицо [просторечное]; некрасивое, безобразное лицо» [Лопатин, Лопатина, 2004; Ефремова, 2000]). Существительное «*рожка*» является основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности. Наличие средства оценочной модальности свидетельствует о том, что в предложении есть модальность. Если есть модальность, значит, есть предикация. Данное оценочное слово является репрезентантом латентной предикации, которая наслаивается на слитную предикацию. Субъекту предложения (*лицо*) говорящим приписывается оценочный признак (*рожка*), т.е. *преестественным и*

ротастым является не просто лицо, а то, что я (говорящий) считаю рожей. Субъект предложения получает отрицательную коннотацию (*У него не лицо, а рожка*). Это видно и из широкого контекста (*Штукатурка с нее [рожи] так и сыпалась, как со старого московского дома*). Оценочное слово, оказавшись в структуре предложения, формирует дополнительный модальный план. Прилагательные «*преестественная*» и «*ротастая*» выступают в предложении в функции предикатов. В слове «*преестественная*» префикс *пре-* со словообразовательным оценочным значением («чрезмерное проявление признака») и суффикс субъективной оценки *-аст-* в слове «*ротастая*» формируют оценочное значение в соответствующих словах, которые являются основными средствами оценочной (субъективной) модальности (так говорящим оценивается субъект предложения).

Модальность выражается грамматической основой, где нулевая связка указывает на настоящее время изъявительного наклонения.

Пропозициональный и предикативный планы высказывания являются сложными. Усложнение происходит за счет латентной и слитной предикаций.

Умишко у нас еле теплится (Т. Толстая).

Данное предложение является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций: одна из них основная (*умишко теплится*), другая – дополнительная (*он [ум] – умишко*).

Слово с оценочной семантикой «*умишко*» [основное средство выражения оценочной (субъективной) модальности] участвует в оформлении латентной предикации, которая наслаивается на основную. В структуре предложения образуется второй модальный план посредством оценочного слова. Фактически в предложении содержится скрытое сообщение о том, что человек обладает слабым, с точки зрения говорящего, умом. «*Умишко – уничиж. к слову ум*» (Ефремова, 2000; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940). Слово «*умишко*», образованное при помощи суффикса субъективной оценки с уничижительным значением, является репрезентантом

дополнительной пропозиции и латентной предикации. Это дополнительное, представленное имплицитно, оценочное сообщение «поддерживается» в предложении соседством слова «*умишко*» с оценочным глаголом «*теплится*» и наречием со значением усиления «*еле*».

Модальность выражается в предложении грамматической основой, где предикатом является глагол в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Пропозициональный план предложения является сложным: основная и дополнительная пропозиции представлены основной и латентной предикациями. Значит, предложение является полипропозициональным и полипредикативным.

Волосенки жиденькие... (А. Куприн).

Данное предложение является полипропозициональным. Одна пропозиция является основной (*волосенки жиденькие*), другая пропозиция – дополнительная (*они [волосы] – волосенки*).

Слово с оценочным (уменьшительным) значением «*волосенки*» («уничиж. к слову *волосы*» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940; Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984]) относится к основному средству оценочной (субъективной) модальности. Если есть средство модальности в предложении, значит, есть и модальность. Если есть модальность, то есть и предикация. Субъект речи дает оценку субъекту предложения: *для говорящего это не просто волосы, а волосенки*. Формируется второй модальный слой.

Предикат предложения (*жиденькие*) также представлен оценочным словом, у которого оценочное значение выражается метафорически. Модальность выражается грамматической основой (S и P), где предикат «*жиденькие*» – именная часть составного именного сказуемого. Именная часть (*жиденькие*) выражена прилагательным; грамматическая связка *быть* – в нулевой форме; нулевая связка указывает на настоящее время изъявительного наклонения.

Таким образом, в высказывании содержится две пропозиции (основная и дополнительная), представленные основной и латентной предикациями соответственно.

Пропала их кормилица и работница (А. Платонов).

В высказывании представлено несколько пропозиций: ***кормилица и работница пропала*** [по контексту ясно, что кормилицей и работницей является корова. *Мать, вернувшаяся из колхозного кооператива, отец и Вася до самой полночи ходили в разные стороны по окрестным полям и кликали свою корову, но корова им не отвечала, ее не было. После ужина мать заплакала. Пропала их кормилица и работница*]; ***корова – кормилица и работница***.

Посредством оценочных слов «кормилица» («женщина, вскармливающая грудью чужого младенца» [Ефремова, 2000; Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984]) и «работница» («женщина – рабочий» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984]) в предложении формируется дополнительный модальный план. Данные оценочные существительные относятся к основным лексическим средствам выражения оценочной (субъективной) модальности. Из контекста ясно, что *кормилицей и работницей* своей считали ее (*корову*) мать, отец и Вася. Оценка положительная. Оценочные предикаты (*Корова – кормилица и работница*) участвуют в оформлении латентной предикации.

Предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет латентной и слитной предикаций.

Чья-то сальная, безобразная морда склонилась над ним... (В. Шукшин).

Данное высказывание представлено несколькими пропозициями: основной (*морда склонилась*) и дополнительными (*лицо я [говорящий] называю мордой; морда сальная; морда безобразная*).

Оценочное существительное «морда» [основное средство оценочной (субъективной) модальности], оказавшись в структуре предложения, формирует дополнительный модальный план, предикативные возможности предложения становятся выше. Говорящий дает отрицательную оценку (*морда*) субъекту предложения (*лицо*), т.е. *склонилось не просто лицо, а то, что я (говорящий) называю мордой*.

Семантическая структура предложения осложняется дополнительными пропозициями: *морда сальная, морда безобразная*. Используя оценочные прилагательные, субъект речи тем самым усиливает выражение негативного отношения к субъекту предложения. Сочетание нескольких оценочных средств в предложении усиливают план субъективной модальности.

Таким образом, в предложении представлено несколько пропозиций: основная пропозиция, представленная основной предикацией (*морда склонилась*); дополнительные пропозиции, представленные латентной предикацией (*лицо я [говорящий] называю мордой*) и потенциальными предикациями (*морда сальная; морда безобразная*).

Там спрятано и все остальное добришко его (И. Бунин).

В данном высказывании присутствует основная пропозиция (*добрешко спрятано [по контексту ясно, что добришком названы вещи]*) и дополнительная пропозиция (*вещи – это добришко*).

Говорящим приписывается оценочный признак (*добрешко*) субъекту предложения (*вещи*), т.е. говорящий оценивает эти вещи как ничтожно малые (*вещи – это добришко*). Оценочным значением слово «добрешко» («уничиж. к слову добро» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984; Лопатин, Лопатина, 2004; Ефремова, 2000]) обладает благодаря содержащемуся в его структуре суффиксу субъективной оценки *-ишк-*, посредством которого образовано слово с уменьшительно-уничижительным значением. (*Он сам стелет себе постельку вечером и сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное*

добришко его...), т.е. *спрятаны не просто вещи, а то, что я* (говорящий) *уничжительно называю добришком*. Оценочное существительное «*добришко*» как выразитель оценочной (субъективной) модальности (при поддержке контекста) участвует в латентном предикировании. Присутствие оценочного слова в структуре предложения формирует второй слой модальности.

Пропозициональный план предложения является сложным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительная пропозиция представлена латентной предикацией.

У старушки личико было румяное... (В. Шукшин).

Данное предложение семантически осложнено: в нем представлена основная пропозиция (*личико было румяное*) в виде субъектно-предикатной структуры, а также дополнительная (*лицо говорящий называет личиком: лицо – личико*).

Оценочное слово «*личико*» («уменьш.-ласк. к слову лицо» [Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984; Ефремова, 2000]), являясь выразителем оценочной (субъективной) модальности, участвует в предикировании. Субъект речи дает положительную характеристику (*личико*) субъекту предложения (*лицо*). Существительное «*личико*» содержит суффикс субъективной оценки -ик- с уменьшительно-ласкательным значением. В высказывании оценочное слово участвует в формировании дополнительного модального плана: субъект речи выражает положительное (ласкательное) отношение к тому, о чем сообщает (к субъекту предложения).

Модальность выражается грамматической основой, где предикатом является составное именное сказуемое. Именная часть выражена прилагательным, связка «*было*» указывает на прошедшее время изъявительного наклонения.

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (грамматическая основа предложения), дополнительная

пропозиция представлена латентной предикацией, репрезентантом которой является оценочное слово.

Сравнивая модально-предикативный потенциал предложений, в которых в роли субъекта предложения выступают личные существительные, и модально-предикативный потенциал предложений, в которых в роли субъекта предложения выступают неличные существительные, мы пришли к выводу о том, что степень оценочной (субъективной) модальности у предложений первого типа выше, чем у предложений второго типа. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что характеристика в большей мере касается человека (происходит субъективное оценивание его), поэтому именно личные существительные с оценочным значением, выступающие в роли субъекта предложения, способствуют усилению модально-предикативного значения предложения.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что оценочные слова, будучи включенными в высказывание и выступающие в функции субъекта предложения, являются выразителями оценочной [субъективной] модальности (выражается отношение говорящего к субъекту предложения). Оценочные слова являются выразителями дополнительной пропозиции и компонентами латентной предикации – в таком случае предикативный потенциал предложения становится выше. Помимо основной предикации в предложениях могут быть и другие виды предикации (включая латентную), что усиливает предикативный фон предложения.

§ 2. Оформление предикации в предложении с оценочным словом в функции объекта предложения

Оценочные слова могут выступать не только в роли субъекта предложения, но и объекта предложения. Рассмотрим на конкретных примерах, как влияет на предикативный потенциал двусоставных предложений наличие оценочного

слова, выступающего в функции объекта предложения, и как при этом меняется семантическая структура предложения. В качестве объекта предложения (как и субъекта предложения) могут выступать личные существительные, метафорически личные существительные и неличные существительные. В роли субъекта предложения также могут выступать местоимения 1 лица, 2 лица и 3 лица.

Рассмотрим примеры, где в роли объекта предложения выступают личные существительные; местоимение 1 лица выступает в предложении одновременно в качестве субъекта предложения и субъекта речи.

В работники хочу я взять этого лодыря (И. Бунин).

В данном предложении содержится две пропозиции (*я хочу взять; охотник – лодырь [по контексту ясно, что речь идет об охотнике]*).

Оценочное слово «*лодырь*» является основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности. Существительное «*лодырь*» участвует в оформлении латентной предикации. Объекту предложения (*охотник*) приписывается оценочный признак (*лодырь*) субъектом предложения (он же субъект речи), т.е. *в работники хочу взять не просто охотника, а того, кого субъект предложения (и речи) считает лодырем.*

Глагол «*хочу*» выражает модальное значение желания.

Данное высказывание содержит две пропозиции: основную и дополнительную. Значит, предложение является полипропозициональным. Данные пропозиции представлены основной (*я хочу взять*) и латентной (*охотник – лодырь*) предикациями соответственно. Наличие двух предикаций свидетельствует о том, что предложение является полипредикативным.

Я торгую вместе с этим картавым, шустрым полуидиотом (И. Бунин).

В данном предложении представлено несколько пропозиций. Основная пропозиция представлена грамматической основой предложения (*я торгую*). В предложении есть и дополнительные пропозиции (*брат [по контексту ясно,*

что речь идет о брате]– *полуидиот*; *полуидиот картавый*, *полуидиот шустрый*).

Слово с оценочной семантикой «*полуидиот*» выступает объектом предложения и является выразителем оценочной (субъективной) модальности. Субъект предложения (он же субъект речи) дает отрицательную оценку (*полуидиот*) объекту предложения (*брат*), т.е. субъект предложения (*я*) считает брата *полуидиотом* (...*чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах - весел... Брат живет у него "из милости"*). С помощью оценочного слова оформляется латентная предикация. В предложении атрибутивные словосочетания (*картавый полуидиот*, *шустрый полуидиот*) осложняют пропозициональный план предложения. Прилагательные «*картавый*», «*шустрый*» [основные лексические средства выражения оценочной (субъективной) модальности], являясь оценочными словами, вносят добавочный оттенок оценочности, усиливая субъективно-модальное значение предложения.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*я торгую*), дополнительные пропозиции представлены латентной предикацией (фактически дополнительно сообщается говорящим, что *брат – полуидиот*) и потенциальными предикациями (*полуидиот картавый*, *полуидиот шустрый*).

Я увидел пьяницу и развратника (И. Бунин).

В данном предложении содержится несколько пропозиций: *я увидел*; *мужчина [по контексту] – пьяница*; *мужчина – развратник*). Слова с оценочным значением «*пьяница*» и «*развратник*» являются выразителями оценочной (субъективной) модальности. Субъект предложения (он же субъект речи) дает отрицательную оценку (*пьяница и развратник*) объекту предложения (*мужчина*), т.е. *увидел не просто мужчину, а того, кого субъект предложения (субъект речи) считает пьяницей и развратником.*

Предикативный потенциал предложения становится выше, т.к. предикативность не ограничивается только основной предикацией, т.е. оценочные слова участвуют в латентном предикативном значении.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*я увидел*), дополнительные пропозиции представлены латентными предикациями (*мужчина – пьяница и мужчина – развратник*).

Я не могу сопляку заплатить (М. Зощенко).

Данное предложение является семантически сложным. В нем содержится две пропозиции. Первая пропозиция (основная) представлена в субъектно-предикатной форме: *Я не могу заплатить*. Есть и дополнительная пропозиция: *Племянник – сопляк*. То, что *сопляком* назван *племянник*, ясно из контекста: *Я не могу сопляку заплатить. Лучшие пуцай сойду. Тимофей Васильевич торжественно и возмущенно встал и направился к выходу. Потом обернулся. Дядю... родного дядю гонишь, - с яростью сказал Тимофей Васильевич. – Да я тебя, сопляка... Я тебя расстрелять за это могу...*

Слово с оценочной семантикой «сопляк» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности] в предложении участвует в оформлении латентной предикации. Субъект предложения отрицательно оценивает объект предложения (*племянник – сопляк*). Слово «сопляк» имеет как прямое значение («то же, что маленький ребенок» [Ефремова, 2000; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940; Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984], так и переносное (пренебр. «молокосос» [Ефремова, 2000]). В данном контексте это слово употребляется в переносном значении: выражается пренебрежительное отношение субъекта к объекту предложения. Модальный глагол «могу» имеет значение возможности совершения, выполнения какого-либо действия (в данном случае «не могу заплатить» выражает уверенность в невозможности действия за счет присутствия отрицательной частицы «не»).

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*я не могу заплатить*), дополнительная пропозиция представлена латентной предикацией (*племянник – сопляк*).

Рассмотрев предложения, где в качестве субъекта предложения выступает местоимение 1 лица, а в роли объекта предложения - личное существительное, мы пришли к выводу о том, что модально-предикативный потенциал данных предложений высок. Субъект предложения, выраженный местоимением «я», и говорящий (субъект речи) совпадают, поэтому в данном случае можно говорить об общем субъективном модальном плане предложения. Предикативный потенциал рассмотренных предложений высок, т.к. помимо основной предикации в предложении есть и другой вид предикации – латентная предикация.

Проанализируем предложения, где в роли субъекта предложения выступает местоимение 3 лица или существительное (оценочное или безоценочное), а в роли объекта предложения – личное существительное.

Русь приняла бесстыжего грешника! (И. Бунин)

Данное предложение является полипропозициональным: *Русь приняла* (пропозиция основная); *Юшка [по контексту] – грешник* (пропозиция дополнительная); *грешник бесстыжий* (пропозиция дополнительная).

Оценочное слово «*грешник*» (объект предложения) относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности и, оказавшись в структуре предложения, участвует в формировании дополнительного плана модальности, а значит, и дополнительном (латентном) предикативировании. Говорящим объекту предложения (*Юшка*) приписывается оценочный признак (*грешник*), т.е. *Русь приняла не просто Юшку, а того, кого субъект речи называет грешником.* «Грешник – грешный человек» (Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984; Лопатин, Лопатина, 2004; Ефремова, 2000). Объект предложения получает отрицательную

характеристику. Обратимся к широкому контексту (*Юшка был и гадок запахом махорки, пропитавшим весь его подрясник, и страшен, страшен*).

Осложняется пропозициональный план предложения посредством атрибутивного словосочетания «*бесстыжий грешник*». В атрибутивном словосочетании «*бесстыжий грешник*» прилагательное «*бесстыжий*» является оценочным и, вместе с тем, основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности. Данное оценочное прилагательное усиливает значение характеристики при описании объекта предложения. Субъективно - модальное значение предложения поддерживается интонацией восклицательного предложения – синтаксическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*Русь приняла*), дополнительные пропозиции представлены латентной предикацией (*Юшка – грешник*) и потенциальной предикацией (*грешник бесстыжий*).

Чистый мальчишка положит свою первую любовь к ногам старой, опытной и властолюбивой развратницы (А. Куприн).

Данное высказывание является полипропозициональным (содержит несколько пропозиций). Основная пропозиция (S-P) представлена основной предикацией (*Мальчишка положит*). Но есть и дополнительные пропозиции (*Женщина [по контексту] – развратница; мальчишка чистый; развратница старая; развратница опытная; развратница властолюбивая; любовь первая*).

Слово с оценочным значением «*развратница*» участвует в формировании второго модального плана предложения, коррелирующего с дополнительной предикацией (латентной), которая не имеет полного формального выражения: *Женщина – развратница*. Оценочное слово (*развратница*) участвует в оформлении латентной предикации. Субъект речи дает отрицательную характеристику (*развратница*) объекту предложения (*женщине*), т.е.

мальчишка положит любовь к ногам не просто женщины, а к ногам той, которую говорящий называет развратницей. Субъект речи связан с объектом предложения через оценочный предикат (*развратница*).

Другие пропозиции, выраженные атрибутивными словосочетаниями (*чистый мальчишка, первая любовь, старая развратница, опытная развратница, властолюбивая развратница*), представляют потенциальные предикации. С помощью слова с оценочной семантикой «*чистый*» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности] субъект речи выражает положительное отношение к субъекту предложения «*мальчишка*». Оценочные прилагательные (*старая, опытная, властолюбивая*), характеризующие объект предложения, выражают дополнительное оценочное значение и вносят добавочный оценочный признак при описании объекта предложения, усиливая отрицательное субъективно-модальное значение предложения.

Предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*мальчишка положит*), дополнительные пропозиции представлены латентной предикацией (*женщина - развратница*) и несколькими потенциальными предикациями (*мальчишка чистый, любовь первая, развратница старая, развратница опытная, развратница властолюбивая*).

Чиновник казенной палаты женился на молоденькой красавице... (И. Бунин).

Предложение относится к полипропозициональным предложениям, т.к. в нем содержится несколько пропозиций. Одна из пропозиций является основной: *чиновник женился*. Но есть и дополнительные пропозиции: *девушка [по контексту] – красавица; красавица молоденькая; палата казенная*.

Слово с оценочным значением «*красавица*» участвует в формировании дополнительного модального плана, предикативный потенциал становится выше, т.к. оценочное слово участвует в выражении латентной предикации,

формально представленной лишь одним компонентом в предложении. Таким образом, дополнительная пропозиция (*девушка – красавица*) представлена латентной предикацией. Объект предложения (*девушка*) наделяется субъектом речи оценочным признаком (*красавица*), т.е. *чиновник женился на той, которую я (говорящий) считаю красавицей, а не просто девушкой*. Объект предложения приобретает положительную коннотацию. Обратимся к широкому контексту: *Чиновник казенной палаты женился на молоденькой красавице... Девушка была невелика, отлично и крепко сложена, всегда хорошо одета, очень внимательна и хозяйственна по дому, взгляд имела зоркий*. Субъект речи связан с объектом предложения через оценочный предикат (*красавица*).

Атрибутивное словосочетание «*молоденькая красавица*» представляет дополнительную пропозицию и участвует в оформлении потенциальной предикации. Оценочное прилагательное «*молоденькая*» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности] несет добавочный оценочный признак при характеристике объекта предложения. Суффикс субъективной оценки - *еньк* - в слове «*молоденькая*» образует слово с уменьшительно-ласкательным значением.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*чиновник женился*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*девушка – красавица*) и потенциальными предикациями (*красавица молоденькая; палата казенная*).

И господин из Сан-Франциско (...) думал о жадных людишках... (И. Бунин).

В данном предложении содержится несколько пропозиций. Первая пропозиция (в предикативной форме) «*господин из Сан-Франциско думал*» представлена примарной (основной) предикацией. Вторая пропозиция является дополнительной: «*итальянцы [по контексту ясно, что речь идет об*

итальянцах]– людишки». Третья пропозиция также является дополнительной: «людишки жадные».

Оценочное существительное «людишки», содержащее суффикс субъективной оценки *-ишк-* с уничижительным значением, относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности, оно участвует в выражении второго модального слоя предложения. Оценочное слово «людишки» («презренные, недостойные люди» [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940); «уничижит. к слову *люди*» (Ефремова, 2000)] оформляет латентную предикацию, оказавшись в структуре предложения. Субъектом предложения (*господин из Сан-Франциско*) объекту предложения (*итальянцы*) приписывается оценочный признак (*людишки*), т.е. *господин из Сан-Франциско думал не просто об итальянцах, а о тех, кого субъект предложения называет людьмишками и уничижительно к ним относится. Оценка отрицательная: И господин из Сан-Франциско (...) думал о жадных людишках, воняющих чесноком, называемых итальянцами. Раз во время остановки он увидел кучу таких жалких, насквозь проплесневевших каменных домишек, наклепленных друг на друга у самой воды, возле лодок, возле каких-то грязных тряпок, жестянок, вспомнив, что это и есть подлинная Италия...*

Дополнительная пропозиция представлена атрибутивным словосочетанием «*жадные людишки*». Данная пропозиция представлена потенциальной предикацией. С помощью оценочного прилагательного «*жадные*» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности], которое вносит дополнительный оценочный признак, усиливается отрицательное субъективно-оценочное значение предложения.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*господин из Сан-Франциско думал*), дополнительные пропозиции

– латентной предикацией (*итальянцы – людишки*) и потенциальной предикацией (*людишки жадные*).

Любого тупицу он мог подготовить к вступительному экзамену в учебное заведение... (Н. Чуковский).

В данном высказывании представлено несколько пропозиций: основная – «он мог подготовить», дополнительные – «ученик [по контексту] – тупица; «тупица любой»; «экзамен вступительный»; «заведение учебное».

Оценочное слово «тупица», являясь выразителем оценочной (субъективной) модальности в предложении, образует дополнительный план модальности. Субъект речи дает отрицательную оценку объекту предложения (ученик – тупица), т.е. *он мог подготовить не просто ученика, а того, кого субъект речи считает тупицей*.

Предикативный потенциал предложения становится выше, т.к. в предложении оформляется латентная предикация.

Модальный глагол «мог» имеет значение возможности совершения, выполнения какого-либо действия (*мог подготовить*).

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*он мог подготовить*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*ученик - тупица*) и потенциальными предикациями (*тупица любой; экзамен вступительный; заведение учебное*).

Группа слагалась из робких неудачников, осмеянных всем классом (М. Горький).

Семантическая структура предложения осложнена сочетанием основной пропозиции с дополнительными. Основная пропозиция (*группа слагалась*) представлена предикативным сочетанием. Помимо основной пропозиции в предложении есть и дополнительные пропозиции: «ученики – неудачники», «неудачники робкие», «неудачники осмеяны», «класс осмеял».

Дополнительная пропозиция «*ученики – неудачники*» представлена латентной предикацией. Объект предложения [по контексту – «*ученики*»] получает отрицательную оценку (*неудачники*), т.е. *группа слагалась не просто из учеников, а из тех, кого говорящий называет неудачниками.*

Оценочное слово «*неудачники*», являясь выразителем оценочной (субъективной) модальности в предложении, образует дополнительный план модальности. Предикативный потенциал предложения становится выше за счет латентной предикации, представленной посредством оценочного слова.

Оценочное прилагательное «*робкие*» и причастный оборот усиливают субъективно-модальный план предложения.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*группа слагалась*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*ученики - неудачники*), потенциальной предикацией (*неудачники робкие*) и добавочной предикацией (*неудачники осмеяны; класс осмеял*).

Рассмотрев предложения, где в качестве субъекта предложения выступает местоимение 3 лица или существительное (как оценочное, так и безоценочное), а в роли объекта предложения – личное существительное, мы пришли к выводу о том, что предикативный потенциал рассмотренных предложений высок, т.к. помимо основной предикации в данных предложениях есть латентная предикация, могут быть и другие виды предикаций. В предложениях, где субъект предложения выражен существительным или местоимением 3 лица, а объект – оценочным словом, латентная предикация выражает отношение «приписывание признака» объекту либо со стороны субъекта предложения, либо со стороны и субъекта речи, и субъекта предложения. Это зависит от контекста.

Теперь рассмотрим, при необходимости привлекая широкий контекст, предложения, в которых *объект предложения выступает в роли метафорически личного существительного.*

Но грязный шлык (...) торчал на голове Бабы - Яги [...на голое тело ее был надет рваный и по пояс мокрый халат, не закрывавший тощих грудей. И кричала тетя Тоня так, точно мы были глухие, точно с целью затеять яростную брань] (И. Бунин).

В данном предложении содержится несколько пропозиций: основная пропозиция (*шлык торчал*) и дополнительные пропозиции: *тетя* [по контексту ясно, что речь идет о тете Тоне] – словно Баба-Яга; *шлык грязный*.

Пропозиция «*тетя – Баба-Яга*» не имеет полного формального предикативного выражения – имеет место латентная предикация.

Оценочное слово «*Баба-Яга*» [объект предложения и основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности], оказавшись в структуре предложения, формирует второй слой модальности и оформляет латентную предикацию. Так усиливается предикативный потенциал предложения: в предложении наблюдается сочетание основной предикации с другими видами (включая латентную). Объекту предложения (*тетя*) субъектом речи приписывается оценочный признак (*Баба-Яга*), т.е. *шлык торчал на голове не просто у тети, а у той, которую я (говорящий) называю Бабой-Ягой*. Объект предложения приобретает отрицательную коннотацию. Субъект речи связан с объектом предложения через оценочный предикат (*Баба - Яга*). Слово «*Баба-Яга*» имеет значение «*злая старуха-колдунья*» (в русских народных сказках) [Ефремова, 2000; Словарь русского языка по ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984; Ожегов, Шведова, 1993] и в данном предложении используется как метафора (*тетя* имеет сходство с *Бабой-Ягой* не только по внешнему виду, но и внутренним качествам и характеристикам).

Атрибутивное словосочетание «*грязный шлык*» представляет дополнительную пропозицию (дополнительное событие). В данное атрибутивное сочетание входит оценочное слово «*грязный*» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности],

которое содержит отрицательную оценку. Так воспринимается и оценивается говорящим субъект предложения (*шлык*).

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*шлык торчал*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*тетя – Баба-Яга*) и потенциальной предикацией (*шлык грязный*).

Он пил по вечерам слишком много и слишком много любовался «картинами» в некоторых притонах <...> это были очень красивые женщины (И. Бунин).

Данное высказывание является полипредикативным и полипропозициональным (содержит несколько пропозиций): *он пил; он любовался; женщины [по контексту] – «картины»; притоны некоторые.*

Контекстуально оценочное существительное «картины» (метафорическое употребление), будучи включенным в структуру высказывания, образует второй модальный план предложения, а значит, участвует в оформлении латентной предикации. Объекту предложения (*женщины*) субъектом предложения (*он*) и субъектом речи приписывается оценочный признак (*женщины словно картины*). Оценка положительная. Положительная характеристика поддерживается в предложении соседством оценочного слова «картины» с оценочным глаголом «любовался». Слово «картина» имеет несколько значений: «произведение живописи в красках»; «телевизионный фильм»; перен. «тот, кто поражает своей необычностью, вызывает восхищение своею красотой» (Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993). В данном предложении слово «картины» используется в метафорическом значении.

Оценочный глагол «любовался» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности] является характеризующим предикатом. Модальность выражается грамматической

основой, где предикат выступает в роли глагола изъявительного наклонения прошедшего времени.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение полипропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет латентной, слитной и потенциальной предикаций.

Итак, в предложении, где в роли объекта предложения выступает метафорически личное существительное, субъективный модально-предикативный план выше модально-предикативного плана предложений, в которых в роли объекта предложения выступает личное существительное (так как субъективное оценочное значение преобладает в словах-метафорах). Предикативный потенциал рассмотренного предложения повышается также за счет других видов предикации (в том числе и «латентной»).

Рассмотрим примеры, где в качестве объекта предложения выступают неличные существительные.

Судьба забросила меня (...) в глухую дереvушку... [...охота была единственным моим занятием и удовольствием. Но в конце января наступила такая погода, что и охотиться стало невозможно. Каждый день дул страшный ветер, а за ночь на снегу образовывался твердый, льдистый слой наста, по которому заяц пробегал, не оставляя следов. Сидя взаперти и прислушиваясь к вою ветра, я тосковал страшно] (А. Куприн).

В данном предложении есть три пропозиции: основная (судьба забросила), две дополнительных (дереvушка глухая; эта деревня [для говорящего] дереvушка). Существительное «дереvушка» имеет два значения: «уменьшительно-ласкательное к слову деревня; уничижительное к слову деревня» (Ефремова, 2000). Оценочное слово «дереvушка», являясь выразителем оценочной (субъективной) модальности в предложении, образует дополнительный слой модальности, предикативный потенциал предложения становятся выше за счет оформления в предложении латентной предикации.

Говорящим объекту предложения (*деревня*) приписывается оценочный признак (*деревушка*).

Дополнительная пропозиция «*глухая деревушка*» представлена атрибутивным сочетанием (потенциальной предикацией). Оценочное прилагательное «*глухая*» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности] вносит добавочный оценочный признак в высказывание при описании объекта предложения, усиливая субъективно-модальное значение предложения.

Модальность выражается грамматической основой (*судьба забросила*), где предикат «*забросила*» является глаголом изъявительного наклонения прошедшего времени. Оценочное значение глагола в предложении выражается метафорически.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*судьба забросила*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*я [говорящий] считаю деревню деревушкой*) и потенциальной предикацией (*деревушка глухая*).

Пакли налепит она вместо волос (М. Горький).

Пропозициональный план данного предложения является сложным, т.к. в предложении содержится две пропозиции (*она налепит; волосы словно пакли*).

Существительное «*пакля*» (объект предложения), употребленное метафорически, приобретает оценочное значение, относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности. Слово «*пакля*» имеет следующее значение: «*грубое короткое волокно, отход обработки льна, лубяных культур*» (Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993; Словарь русского языка по ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984). Следовательно, говорящий использует данную метафору, чтобы выразить отрицательное отношение к объекту предложения, т.е. *она налепит не просто волосы, а то,*

что я (говорящий) называю наклей. Обратимся к широкому контексту: *Папки наклеит вместо волос. Парик такой страшный, что люди боятся и кричат.*

Если есть средство модальности в предложении, значит, есть модальность. В структуре предложения оценочное слово образует второй план модальности. Предикативные возможности предложения становятся больше, т.к. оценочное слово участвует в оформлении латентной предикации.

Данное предложения является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*она наклеит*), дополнительная пропозиция – латентной предикацией (*волосы словно накля*).

Лапушка глазами моргнет... [Бенедикт только вздыхает да искоса поглядывает, а она уж знает, лапушка: головкой-то эдак Оленька подернет. Скромница....] (Т. Толстая).

В данном предложении есть три пропозиции: основная (*лапушка [по контексту ясно, что речь идет об Оленьке] моргнет*), две дополнительных (*я [говорящий] ласково отношусь к глазам и считаю их глазами; Оленька - лапушка*).

Оценочное слово с суффиксом субъективной оценки «*глазыньки*» [основное средство выражения оценочной (субъективной) модальности] в предложении образует дополнительный слой модальности. Говорящим объекту предложения (*глаза*) приписывается оценочный признак (*глазыньки*). Объект предложения получает положительную коннотацию.

Предикативный потенциал предложения становится выше за счет оформления в предложении латентных предикаций: посредством оценочного существительного «*лапушка*» («ласковое название того, к кому обращаются» [Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993]) говорящий дает положительную оценку субъекту предложения (*Оленька – лапушка*); посредством оценочного слова «*глазыньки*» характеризуется предмет (для субъекта речи *глаза – глазыньки*).

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*лапушка моргнет*), дополнительные пропозиции – латентными предикациями. Предикативный потенциал данного предложения является высоким, т.к. оценочное слово выступает как в функции субъекта предложения, так и в роли объекта предложения.

Сравнивая модально-предикативный потенциал предложений, в которых выступает неличное существительное, и модально-предикативный план предложений, в которых в роли объекта предложения выступает личное или метафорически личное существительное, мы можем отметить более высокий модально-предикативный потенциал последних предложений. Оценочная характеристика в основном касается человека, поэтому именно личные существительные с оценочным значением, выступающие в качестве объекта предложения (так же, как и в роли субъекта предложения), усиливают модально-предикативное значение предложения. Сочетание в предложении нескольких оценочных средств в еще большей степени усиливает план субъективной модальности.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что оценочные слова, включенные в предложение и выступающие в функции объекта предложения, участвуют в формировании дополнительного плана модальности. Оценочные слова являются выразителями дополнительной пропозиции и компонентами латентной предикации, в результате чего предикативный потенциал предложений становится выше. Кроме основной предикации в предложениях могут оформляться и другие виды предикации, поэтому степень предикативности становится высокой.

§ 3. Оформление предикации в бисубстантивном предложении с оценочным словом в роли предиката.

Попытаемся установить роль оценочного слова в оформлении предикации двусоставного предложения, в котором оценочное слово является предикатом. Предикат может быть выражен существительным, прилагательным, входящими в структуру составного именного сказуемого, и глаголом. Рассмотрим предложения, в которых в роли предиката выступает существительное с оценочным значением. В характеристике данного типа предложений и в терминологическом их обозначении мы опираемся на исследование Н. А. Герасименко (Герасименко, 1999). Бисубстантивные предложения (БП), по мнению лингвиста, «имеют два типовых значения: семантику отождествления и семантику характеристики» (Герасименко, 1999). Характеризуя два типа бисубстантивных предложений, Н.А. Герасименко отмечает: «Значение отождествления опирается на грамматическую форму бисубстантивного предложения, представляющую собой предикативное соединение предмета и его опредмеченного на грамматическом уровне признака. Тождество формы подлежащего и сказуемого бисубстантивного предложения, представленных в языковой форме предметности, способствует выражению значения отождествления» (Герасименко, 1999, с. 23-24). «Существительные со значением лица в позиции подлежащего БП допускает следующие основные виды характеристик: по внешнему восприятию, социальному положению, восприятию внутренних качеств; по физическому, психическому, интеллектуальному и социальному состоянию. Конкретно-предметное имя в позиции подлежащего БП наиболее разнообразно характеризуется обычно по внешнему восприятию (цвет, размер, форма и мн. др.). Эксплицитно выраженный или имплицитно представленный оттенок сравнительного значения является одним из обязательных компонентов семантики БП характеризующего типа» (Герасименко, 1999, с. 24).

Т. И. Кочеткова различает оценочную характеристику (с позиций хороший/плохой) и безоценочную, но признает относительность понятия

«безоценочная характеристика», т.к., по мнению лингвиста, «в основе всякой характеристики находится оценочное суждение, и особенно — в образной, которая является выражением мнения говорящего (или коллективного мнения), а всякое мнение о предмете есть оценка». При этом Т. И. Кочеткова связывает оценочную характеристику только «с аксиологической ее сущностью, а не с механизмом формирования оценочного суждения» (Кочеткова, 2005, с. 114-115).

Мы считаем оценочные слова характеризующими, т.к. любая характеристика отражает особенности или описание кого-либо /чего-либо. Характеризовать – значит, указать на какую-либо определенную черту, которая отличает лицо (или предмет) от остальных. Говорящий, характеризуя какое-либо лицо (или предмет), высказывает свое мнение, а значит, выражает оценку.

Рассмотрим, как оформляется предикация в бисубстантивных предложениях с оценочными словами в роли предиката предложения, как меняется при этом семантическая структура предложения.

Обратимся к ряду примеров, где безоценочные слова получают оценочное значение только в контексте (так называемые контекстуально оценочные слова). Мы будем опираться на словарное значение данных слов.

Слонимская – вздорная, шумная, чрезвычайно болтливая старуха (Н. Чуковский).

Предложение с точки зрения семантической структуры является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций. Основная пропозиция (*Слонимская – старуха*) является выразителем основной предикации. Дополнительные пропозиции (*старуха вздорная, старуха шумная, старуха чрезвычайно болтливая*) являются выразителями потенциальных предикаций. Контекстуально оценочное слово «старуха» (входит в предикат предложения наряду с нулевой связкой) выражено в предложении именем существительным в именительном падеже. Вместе с нулевой связкой «*есть*» существительное «старуха» входит в структуру составного именного

сказуемого. Говорящим субъекту предложения (*Слонимская*) приписывается оценочный признак (*старуха*). Слово «*старуха*» (безоценочное слово) имеет следующее значение: «*женщина, достигшая старости*» (Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940; Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984)). Отрицательную коннотацию субъект предложения получает в контексте (*вздорная, шумная, болтливая*).

В данном предложении оформляются и потенциальные предикации (*старуха вздорная, старуха шумная, старуха болтливая*). Данные оценочные прилагательные (*вздорная, шумная, болтливая*), являясь основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, вносят добавочный оценочный признак, усиливая модальное значение предложения.

Модальность выражается грамматической основой. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Данное предложение с точки зрения пропозиционального плана является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций – основную и дополнительные. Основная и дополнительные пропозиции представлены основной (*Слонимская – старуха*) и несколькими потенциальными предикациями (*старуха вздорная, старуха шумная, старуха болтливая*). Предложение является полипредикативным. Латентной предикации нет.

Машина – нежное, беззащитное, ломкое существо (А. Платонов).

Данное предложение содержит несколько пропозиций. Основная пропозиция (*машина – существо*) выражается в субъектно-предикатной форме. И субъект предложения, и предикат (именная часть) предложения выражены именами существительными, между которыми возникают предикативные отношения. Семантическая структура высказывания осложняется тем, что в нем есть и дополнительные пропозиции (*существо нежное, существо беззащитное, существо ломкое*).

В предложении есть контекстуально оценочное слово «*существо*» («*живая особь, человек или животное; сущность*» [Ефремова, 2000; Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984]). Данное слово может иметь как положительное значение, так и отрицательное. Субъект речи использует метафору, чтобы выразить свою оценку относительно субъекта предложения. В данном контексте субъект предложения получает положительную характеристику (*нежное, беззащитное, ломкое*).

В предложении выражается и другой вид предикации – потенциальная предикация (*существо нежное, существо беззащитное, существо ломкое*), представленная атрибутивными словосочетаниями. Оценочные прилагательные «*нежное*», «*беззащитное*», «*ломкое*» [основные лексические средства выражения оценочной (субъективной) модальности] вносят добавочный оценочный признак при характеристике субъекта предложения (*машина*).

Модальность выражается грамматической основой предложения; нулевая связка «*есть*» указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*машина – существо*), три добавочные пропозиции представлены потенциальными предикациями (*существо нежное, существо беззащитное, существо ломкое*). Латентной предикации нет.

Кухарка – нищая, безродная девка... (И. Бунин)

Предложение с точки зрения семантической структуры является полипропозициональным, т.к. содержит три пропозиции: основная пропозиция (*кухарка - девка*) и дополнительные пропозиции (*девка нищая, девка безродная*).

Контекстуально оценочное слово «*девка*» (входит в предикат предложения наряду с нулевой связкой) выражено в предложении именем существительным в именительном падеже. Вместе с нулевой связкой «*есть*» существительное «*девка*» входит в структуру составного именного сказуемого. Говорящим

субъекту предложения (*кухарка*) приписывается оценочный признак (*девка*). «Девка» – «девушка, подросток, девочка; девушка (*груб.*)» (Ефремова, 2000; Лопатин, Лопатина, 2004). Данное слово может иметь и положительное, и отрицательное значения. Отрицательную коннотацию субъект предложения получает в контексте (*Кухарка – нищая, безродная девка, слышавшая дурочкой...*).

В данном предложении оформляются и потенциальные предикации (*девка нищая, девка безродная*). Данные оценочные прилагательные (*нищая и безродная*), являясь основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, вносят добавочный оценочный признак, усиливая модальное значение предложения.

Грамматической основой предложения выражается модальность. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*кухарка – девка*) и несколькими потенциальными пропозициями (*девка нищая, девка безродная*). Латентной предикации нет.

Далее обратимся к ряду примеров, где предикат предложения является оценочным словом.

Жизнь – вечный праздник и торжество (А. Куприн).

В данном примере семантическая структура представлена несколькими пропозициями: *жизнь – праздник; жизнь – торжество; праздник вечный*.

Слова с метафорически оценочным значением «праздник» и «торжество» (именные части предиката предложения) употреблены в именительном падеже; связка нулевая. Субъектом речи субъекту предложения (*жизнь*) приписываются два оценочных признака словами с положительным оценочным значением (*праздник и торжество*). [«Праздник – торжество; приятное, радостное чувство; источник наслаждения» (Ефремова, 2000). «Торжество – празднование; праздник; состояние радости по случаю успеха, удачи»] (Ефремова, 2000). Положительное оценочное значение предикатов

поддерживается широким контекстом (*Жизнь – вечный праздник и торжество. Из вагонов, сияющих насквозь веселыми праздничными огнями, выходили красивые, нарядные и выхоленные дамы в удивительных шляпах, в необыкновенно изящных костюмах, выходили штатские господа, прекрасно одетые, беззаботно самоуверенные, с громкими барскими голосами, с французским и немецким языком, с свободными жестами, с ленивым смехом. Никто из них никогда, даже мельком, не обращал внимания на Ромашова, но он видел в них кусочек какого-то недоступного, изысканного, великолепного мира...*).

Модальность в предложении выражается грамматической основой предложения (через нулевую связку «*есть*» в изъявительном наклонении, настоящем времени).

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным за счет сочетания слитной предикации с потенциальной предикацией; латентной предикации нет.

Философия – чепуха, праздная и нелепая болтовня (А. Куприн).

Данное предложение представлено несколькими пропозициями: две пропозиции реализуются слитной предикацией (*философия – чепуха; философия – болтовня*) и дополнительные (*болтовня праздная и болтовня нелепая*) – реализуются потенциальными предикациями. Предикативную основу предложения составляют субъект предложения, выраженный именем существительным в Им. пад., а также предикат предложения, построенный по схеме «нулевая связка+существительное в Им. пад. +существительное в Им. пад»). Дополнительная пропозиция представлена потенциальной предикацией.

Оценочные слова «*чепуха*» и «*болтовня*» входят в состав предиката предложения наряду с нулевой связкой «*есть*». Говорящий дает отрицательную оценку (*чепуха и болтовня*) субъекту предложения (*философия*). Это подтверждается словарным значением данных оценочных слов. «*Чепуха –*

вздор, чушь, глупость» (Ефремова, 2000). *«Болтовня – пустой, бессодержательный разговор»* (Ефремова, 2000).

В высказывании есть и потенциальные предикации (*болтовня праздная, болтовня нелепая*). В атрибутивных сочетаниях *«праздная болтовня»* и *«нелепая болтовня»* оценочные прилагательные (*праздная и нелепая*), являясь основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, вносят добавочный оценочный признак, усиливая значение субъективной модальности предложения.

Модальность в высказывании выражается грамматической основой предложения. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной и потенциальных предикаций. Латентной предикации нет.

Но Валерия была настоящая красавица! (И. Бунин)

Одна из пропозиций в данном предложении является основной, и представлена она в предикативной структуре (*Валерия была красавица*). Но есть и дополнительная пропозиция (*красавица настоящая*). Основная и дополнительная пропозиции представлены примарной (основной) и потенциальной предикациями соответственно.

Оценочное существительное *«красавица»* (именная часть составного именного сказуемого) употреблено в форме именительного падежа и наряду со связкой *«была»* входит в составное именное сказуемое. Субъектом речи приписывается оценочный признак (*красавица*) субъекту предложения. Оценка положительная. *«Красавица – красивая женщина»* (Ефремова, 2000; Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984).

В предложении оформляется и потенциальная предикация (*красавица настоящая*). Оценочное прилагательное *«настоящая»*, являясь основным

лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности, в сочетании с существительным «*красавица*», имеющим положительное оценочное значение, усиливает субъективную модальность предложения.

Субъективная модальность предложения поддерживается и интонацией восклицательного предложения [основное синтаксическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности].

Модальность в предложении выражается грамматической основой (основная предикация) посредством глагольной связки «*быть*», употребленной в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция и дополнительная пропозиция представлены основной (*Валерия была красавица*) и потенциальной (*красавица настоящая*) предикациями соответственно. Латентной предикации нет.

Казак оказался мрачным и страшным пьяницей (И. Бунин).

В данном высказывании есть несколько пропозиции: основная (в субъектно-предикатной форме) представлена примарной (основной) предикацией (*казак оказался пьяницей*); дополнительные пропозиции (*пьяница мрачный и пьяница страшный*) представлены потенциальными предикациями.

Оценочное слово «*пьяница*» и связка «*оказался*» составляют предикат предложения. Говорящий дает отрицательную оценку (*пьяница*) субъекту предложения (*казак*). «Пьяница – человек, пьющий много спиртного, алкоголик» (Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940).

В высказывании выражается и потенциальная предикация (*пьяница мрачный, пьяница страшный*). Оценочные прилагательные «*мрачный*» и «*страшный*», являясь основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, вносят добавочный оценочный признак, усиливая субъективное модальное значение предложения.

Модальность в высказывании выражается грамматической основой (основная предикация). Связка «оказался» обозначает реальное действие (изъявительное наклонение), которое происходило в прошедшем времени.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*казак оказался пьяницей*), дополнительные пропозиции представлены потенциальными предикациями (*пьяница мрачный, пьяница страшный*). Латентной предикации нет.

Челкаш - вор, гуляка, оторванный от всего родного (М. Горький).

Данное предложение является полипропозициональным, т.к. в нем содержится несколько пропозиций: *Челкаш – вор, Челкаш – гуляка; Челкаш оторван от всего родного*. Данные виды пропозиций представлены слитной и добавочной предикациями (по терминологии П. А. Леканта).

Оценочные существительные «вор» (Им. пад.) и «гуляка» (Им. пад.) являются именными частями составного глагольного сказуемого и наряду с нулевой связкой «есть» (материально не выражена) входят в предикат предложения.

Говорящий субъекту предложения (*он*) приписывает два оценочных признака (*вор, гуляка*). «Вор - тот, кто совершает кражи; преступник» (Ефремова, 2000; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940). «Гуляка - человек, который живет разгульно» (Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993; Лопатин, Лопатина, 2004). Оценка отрицательная.

В данном предложении оформляется и добавочная предикация при помощи причастного оборота, вносящего дополнительный оценочный признак, усиливая тем самым субъективно-модальный план предложения.

Посредством грамматической основы (*Челкаш – вор, гуляка*) выражается модальность. Показателем модальности является нулевая связка, которая указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной и добавочной предикаций. Латентной предикации нет.

Сосед казался добряком и весельчаком (М. Горький).

Семантическая структура данного предложения характеризуется наличием двух пропозиций: *сосед казался добряком* и *сосед казался весельчаком*. Данные пропозиции реализуются слитной предикацией.

Предложение содержит два оценочных слова (*добряк* и *весельчак*). Данные существительные употреблены в форме творительного падежа и вместе со связкой «казался» образуют предикаты предложения.

Субъектом речи субъект предложения (*сосед*) наделяется положительной характеристикой (*добряк* и *весельчак*). «Добряк – добрый человек» (Ожегов, Шведова, 1993). «Весельчак – веселый человек» (Ожегов, Шведова, 1993).

Модальность выражается грамматической основой предложения. Связка «казаться» указывает на изъявительное наклонение, прошедшее время.

Данное высказывание с точки зрения пропозиционального плана является полипропозициональным, а значит, полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Мальчик, небось, жулик и охальник (А. Платонов).

В данном высказывании содержится две пропозиции: *мальчик - жулик* и *мальчик - охальник*. Данные пропозиции реализуются слитной предикацией.

Оценочные существительные «жулик» и «охальник» в данном бисубстантивном предложении употреблены в форме именительного падежа.

Субъект речи отрицательно характеризует (*жулик* и *охальник*) субъект предложения (*мальчик*). Данные оценочные слова имеют отрицательную семантику («Охальник – тот, кто непристойно ведет, себя; нахал» [Ефремова, 2000], «жулик – вор» [Ефремова, 2000]), но в данном контексте (наличие в

предложении модального слова «*небось*») и широком контексте (*Я не жулик, я побирюшка...*) субъект речи выражает модальное значение неуверенности и сомнения в сообщаемом.

Модальность выражается грамматической основой (слитная предикация), где предикат выражен нулевой связкой и однородными существительными. Связка обозначает реальное действие (изъявительное наклонение), которое происходило в настоящем времени.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Капитан Стельковский – умница... (А. Куприн)

Данное предложение представлено одной пропозицией: основной (*Стельковский – умница*). Основная пропозиция представлена примарной (основной) предикацией (предикативную основу предложения составляют субъект предложения, выраженный именем существительным в Им. пад., а также предикат предложения, построенный по схеме «нулевая связка+существительное общего рода в Им. пад.»).

Оценочное слово «*умница*» входит в состав предиката предложения наряду с нулевой связкой «*есть*». Говорящий дает положительную оценку (*умница*) субъекту предложения (*Стельковский*). «Умница – умный, способный человек» (Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1993; Лопатин, Лопатина, 2004; Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 1935-1940).

Модальность в высказывании выражается грамматической основой (основная предикация). Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Данное высказывание является монопропозициональным и монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*Стельковский – умница*); латентной предикации нет.

Муравьи – великие мастера дружной жизни (А. Платонов).

В данном примере семантическая структура представлена тремя пропозициями. Основная пропозиция представлена грамматической основой (*муравьи – мастера*). Дополнительные пропозиции представлены потенциальными предикациями: «*мастера великие*»; «*жизнь дружная*».

Слово с оценочным значением «*мастера*» (именная часть составного именного сказуемого) употреблено в именительном падеже, связка нулевая.

Нулевая связка и существительное «*мастера*» составляют предикат предложения. Субъектом речи субъекту предложения (*муравьи*) приписывается оценочный признак (*мастера*). «*Мастер - квалифицированный работник; профессионал в своем деле*» (Ефремова, 2000; Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева, 2003).

Оценочное прилагательное «*великие*» [основное лексическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности], а также соседство оценочного слова с атрибутивным словосочетанием «*дружная жизнь*» вносят в значение предложения дополнительный оценочный признак, усиливая субъективно-модальное значение предложения.

Модальность в предложении выражается посредством грамматической основы (*муравьи - мастера*) при помощи нулевой связки «*есть*» в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*муравьи – мастера*), дополнительные пропозиции – потенциальными предикациями (*мастера великие; жизнь дружная*); латентной предикации нет.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что оценочные слова, включенные в предложение и выступающие в функции предиката бисубстантивного предложения, не участвуют в формировании

дополнительного плана модальности, не являются выразителями дополнительной пропозиции и компонентами латентной предикации; они участвуют в оформлении примарной (основной) предикации, входят в состав предикативной основы предложения. Субъективная (реальная) модальность в бисубстантивном предложении выражается при помощи глагольной связки в форме изъявительного наклонения, ирреальная модальность выражается при помощи глагольной связки в условном наклонении. Многие безоценочные слова способны приобретать оценочное значение в контексте. Усложнение пропозиционального и предикативного планов предложения может происходить за счет других видов предикации (в том числе за счет латентной предикации при наличии в предложении оценочного слова в роли субъекта предложения).

§ 4. Оформление предикации в предложении с предикатом, выраженным оценочным прилагательным.

Рассмотрим на примерах, как оформляется предикация в двусоставных предложениях с оценочным словом в роли предиката, выраженного прилагательным, что представляет собой при этом семантическая структура предложения.

Проанализируем ряд предложений.

Она стала стройней (М. Горький).

Данное предложение содержит одну пропозицию: *она слала стройней*. Это основная пропозиция, которая представлена примарной (основной) предикацией.

В предложении есть оценочное прилагательное в форме сравнительной степени «*стройней*» («стройный – статный, пропорционально сложенный» [Ефремова, 2000, Ожегов, Шведова, 1993]), которое наряду со связкой «*стала*» (полуотвлеченная, по терминологии П. А. Леканта) составляют предикат

предложения. Говорящий дает положительную оценку (*стройная*) субъекту предложения (*она*).

Модальность выражается грамматической основой (основная предикация, основная пропозиция) с помощью предиката предложения – оценочного прилагательного. Связка «*стала*» употреблена в прошедшем времени, изъявительном наклонении.

Таким образом, данное высказывание является монопропозициональным и монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*она стала стройней*); предикаций других видов нет.

Двор был тоже неприятный (М. Горький).

В данном предложении содержится одна пропозиция (*Двор был неприятный*). Это основная пропозиция, которая представлена примарной (основной) предикацией.

В предложении есть оценочное прилагательное «*неприятный*», которое наряду со связкой «*был*» составляет предикат предложения. Говорящий дает отрицательную оценку (*неприятный*) субъекту предложения (*двор*).

Модальность предложения выражается грамматической основой (основная предикация), в которой предикат содержит именную часть и глагольную связку «*быть*» в форме прошедшего времени.

Данное предложение является монопропозициональным и монопредикативным (основная пропозиция представлена основной предикацией); других видов предикации нет.

Она была хорошая! (В. Шукшин)

Предложение является монопропозициональным, т.к. содержит одну пропозицию: *Она была хорошая*. Данная пропозиция (основная) представлена примарной (основной) предикацией. Прилагательное «*хорошая*» является оценочным. Говорящий наделяет субъект предложения (*она*) положительной характеристикой (*хорошая*).

Субъективная модальность предложения поддерживается и интонацией восклицательного предложения [основное синтаксическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности].

Модальность в предложении выражается грамматической основой (основная предикация) посредством глагольной связки «*была*», употребленной в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Таким образом, данное высказывание является монопропозициональным и монопредикативным, т.к. основная пропозиция представлена основной предикацией; предикаций других видов нет.

Она глупа? (И. Бунин)

Данное высказывание содержит одну основную пропозицию (*она глупа*), которая репрезентируется основной предикацией.

Краткое прилагательное «*глупа*» в данном двусоставном предложении является оценочным предикатом. Связка материально не выражена. Субъектом речи наделяется субъект предложения (*она*) оценочным признаком (*глупа*). Несмотря на отрицательную семантику слова «*глупа*», в вопросительном предложении выражается неуверенность и сомнение.

Модальность выражается грамматической основой (основная предикация, основная пропозиция). Нулевая связка указывает на настоящее время изъявительного наклонения.

Данное предложение с точки зрения пропозиционального плана является монопропозициональным, а значит, монопредикативным (основная пропозиция представлена основной предикацией), других видов предикации нет.

Я сегодня нежный (В. Шукшин).

В данном высказывании представлена одна (основная) пропозиция: *я нежный*.

Прилагательное «*нежный*» (именная часть составного именного сказуемого) является оценочным. Связка материально не выражена. Говорящий (он же субъект предложения) выражает положительное отношение к самому

себе. «Нежный – ласковый, хрупкий, проявляющий любовь» (Ефремова, 2000, Ожегов, Шведова, 1993).

Модальность выражается посредством грамматической основы предложения. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Данное предложение с точки зрения пропозиционального плана является монопропозициональным, а значит, монопредикативным (основная пропозиция представлена основной предикацией), других видов предикации нет.

План был дерзок (И. Бунин).

Семантическая структура этого предложения представлена одной пропозицией: *план был дерзок*. Предикат предложения составляют связка «*был*» в сочетании с оценочным прилагательным в краткой форме «*дерзок*». Субъект речи дает отрицательную характеристику (*дерзок*) субъекту предложения (*план*).

Модальность в предложении выражается грамматической основой (основная предикация) посредством связки «*был*», употребленной в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание с точки зрения пропозиционального плана является монопропозициональным, а значит, монопредикативным, других видов предикации нет.

Она смогла стать счастливой! (И. Бунин)

Данное предложение содержит одну (основную) пропозицию: *Она смогла стать счастливой*. Составное именное сказуемое в осложненной форме (*смогла стать счастливой*) является предикатом предложения. В предложении есть оценочные прилагательные «*счастливая*». Говорящий дает положительную оценку субъекту предложения (*она*).

Субъективная модальность предложения поддерживается и интонацией восклицательного предложения [основное синтаксическое средство выражения оценочной (субъективной) модальности].

Модальность выражается грамматической основой (основная предикация). Вспомогательный глагол с модальным значением «смогла» употреблен в прошедшем времени, изъявительном наклонении.

Таким образом, предложение является монопропозициональным и монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией; других видов предикации нет.

Ученик был любознательный... (В. Набоков).

В предложении одна пропозиция. Основная пропозиция (*ученик был любознательный*) представлена примарной (основной) предикацией.

Предикат предложения составляют связка «был» и оценочное прилагательное «любознательный». Говорящий дает положительную характеристику (*любознательный*) субъекту предложения (*ученик*).

Модальность выражается посредством грамматической основы (*основная пропозиция*). Связка «был» употреблена в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание является монопропозициональным и монопредикативным, предикаций других видов нет.

Сторож особняка – хладнокровный (В. Набоков)

Предложение с точки зрения семантической структуры является монопропозициональным, т.к. содержит одну пропозицию. Основная пропозиция (*сторож - хладнокровный*) является выразителем основной предикации.

Оценочное прилагательное «хладнокровный» входит в предикат предложения наряду с нулевой связкой. Говорящим субъекту предложения (*сторож*) приписывается оценочный признак (*хладнокровный*).

Модальность выражается грамматической основой. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Таким образом, предложение является монопропозициональным и монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией; других видов предикации нет.

Люди казались мне страшными (М. Горький).

В данном высказывании содержится одна пропозиция: *люди казались страшными*.

Оценочное прилагательное «*страшные*» вместе со связкой «*казались*» образуют предикат предложения.

Субъект речи отрицательно характеризует (*страшные*) субъект предложения (*люди*).

Модальность выражается грамматической основой предложения (примарная предикация). Связка обозначает реальное действие (изъявительное наклонение), которое происходило в прошедшем времени.

Таким образом, данное предложение является монопропозициональным и монопредикативным, других видов предикации нет.

Ночь была торжественна, бесстрашна и благостна (И. Бунин).

Данное предложение содержит несколько пропозиций (*ночь была торжественна, ночь была бесстрашна и ночь была благостна*).

В предложении есть оценочные прилагательные в краткой форме «*торжественна*», «*бесстрашна*», «*благостна*», которые наряду со связкой «*была*» составляют предикаты предложения. Говорящий дает положительную оценку (*торжественна, бесстрашна, благостна*) субъекту предложения (*ночь*).

Модальность выражается грамматической основой (слитная предикация). Нулевая связка указывает на настоящее время изъявительного наклонения.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной предикации; латентной предикации нет.

Доброе лицо ее делается глупым и смешным (М. Горький).

Данное предложение является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций: *лицо делается глупым; лицо делается смешным; лицо доброе.*

В роли предикатов предложения выступает связка «*делается*» в сочетании с однородными прилагательными «*глупый*» и «*смешной*» с оценочным значением.

Субъект речи приписывает оценочные признаки (*глупый и смешной*) субъекту предложения (*лицо*). В данном контексте (в соседстве со словосочетанием «*доброе лицо*») оценка субъекта предложения положительная, несмотря на отрицательную семантику слова «*глупый*». Оценочное прилагательное «*доброе*» усиливает субъективно-модальный план предложения.

Модальность в предложении выражается грамматической основой (слитная предикация) посредством связки «*делается*», употребленной в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации и потенциальной предикации. Латентной предикации нет.

Новый дом был нарядней, милей (М. Горький).

Предложение с точки зрения семантической структуры является полипропозициональным, т.к. содержит три пропозиции: *дом был нарядней, дом был милей; дом новый.*

Оценочные прилагательные «*нарядней*», «*милей*» имеют сравнительную степень. Вместе с материально выраженной связкой «*был*» прилагательные входят в структуру составного именного сказуемого (предикаты предложения). Говорящим субъекту предложения (*дом*) приписывается оценочный признак (*нарядней, милей*). Оценка положительная.

В данном предложении оформляется и потенциальная предикация (*дом новый*). Оценочное прилагательное (*новый*), являясь основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности, вносит добавочный оценочный признак, усиливая модальное значение предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения. Связка «*был*» употреблена в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации и потенциальной предикации. Латентной предикации нет.

Глаза его были холодны и горды (М. Горький).

Предложение представлено двумя пропозициями: *глаза были холодны* и *глаза были горды*.

Предикаты предложения состоят из связки «*были*» и однородных оценочных прилагательных в краткой форме «*холодны*» («равнодушны» [Ефремова, 2000]) и «*горды*». Говорящий дает отрицательную характеристику (*холодны и горды*) субъекту предложения (*глаза*).

Модальность выражается посредством грамматической основы (*глаза были холодны и горды*). Связка «*были*» употреблена в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Все казалось радостным, счастливым (И. Бунин).

В данном высказывании две пропозиции: *все казалось радостным*, *все казалось счастливым*.

Оценочные прилагательные *«радостные»*, *«счастливые»* вместе со связкой *«казалось»* образуют предикаты предложения. Именная часть содержит оценочное значение, связка – грамматическое значение.

Субъект речи с положительной точки зрения характеризует (*радостные, счастливые*) субъект предложения (*все*). Модальность выражается грамматической основой предложения (слитная предикация). Связка *«казалось»* обозначает реальное действие (изъявительное наклонение), которое происходило в прошедшем времени.

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Слепые окна были неприятны... (М. Горький)

Данное предложение содержит две пропозиции: основную (*окна были неприятны*), дополнительную (*окна слепые*). Основная пропозиция представлена примарной (основной) предикацией. Дополнительная предикация представлена потенциальной предикацией.

Прилагательное в краткой форме *«неприятны»* вместе со связкой *«были»* составляют предикат предложения. Говорящий дает отрицательную оценку (*неприятны*) субъекту предложения (*окна*).

Прилагательное *«слепые»*, употребленное в оценочно-характеризующем значении, усиливает субъективно-модальное значение предложения.

Модальность выражается грамматической основой (основная предикация).

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*окна были неприятны*), дополнительная пропозиция – потенциальной предикацией (*окна слепые*); латентной предикации нет.

Пташечки маленькие, глупые ... (А. Куприн)

Данное предложение является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций: *пташечки маленькие; пташечки глупые; птицы, по мнению говорящего, являются пташечками.*

В роли предикатов предложения выступает нулевая связка «*есть*» в сочетании с однородными прилагательными «*глупые*» и «*маленькие*» с оценочным значением.

Субъект речи приписывает несколько оценочных признаков (*пташечки; глупые; маленькие*) субъекту предложения (*птицы*), т.е. *маленькими и глупыми являются не просто птицы, а те, которых я (говорящий) называю пташечками.* В данном контексте оценка положительная, несмотря на отрицательную семантику слова «*глупые*» (*Пташечки маленькие, глупые ... Зачем бить пташек или вот зайцев тоже? Никому они худого не делают, а жить им хочется так же, как и нам с вами. Я их люблю...*).

Оценочное слово с суффиксом субъективной оценки «*пташечки*» является основным средством выражения оценочной (субъективной) модальности. Оценочное слово «*пташечки*» оформляет латентную предикацию, которая наслаивается на основную предикацию (появление второго плана модальности влечет за собой появление скрытой предикации).

Модальность в предложении выражается грамматической основой (слитная предикация) посредством связки «*делается*», употребленной в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации и латентной предикации (в данном случае субъект предложения выражен оценочным словом).

Рыла зверообразные (Т. Толстая) (по контексту, *рыла* – это лица мужчин).

Предложение с точки зрения семантической структуры является полипропозициональным, т.к. содержит две пропозиции. Основная пропозиция (*рыла зверообразные*) является выразителем основной предикации. Дополнительная пропозиция (*лица словно рыла – с точки зрения говорящего*) является выразителем латентной предикации.

Оценочное прилагательное «*зверообразные*» входит в предикат предложения наряду с нулевой связкой. Говорящим субъекту предложения (*лица*) приписывается несколько оценочных признака (*рыла; зверообразные*). Оценка отрицательная.

Слово с оценочной семантикой «*рыла*» («рыло – лицо человека (сниж.)» [Ожегов, Шведова, 1993; Ефремова, 2000] является основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности. Данное оценочное слово оформляет латентную предикацию, которая наслаивается на основную предикацию (появление дополнительного слоя модальности влечет за собой появление дополнительной предикации).

Модальность выражается грамматической основой предложения. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная предикация представлена основной предикацией (*рыла зверообразные*), а дополнительная пропозиция – латентной предикацией (*лица словно рыла, по мнению говорящего*).

Февральский день был серый, мутноватый, метелисто-порошистый (Т. Толстая).

Данное предложение содержит несколько пропозиций: *день был серый, день был мутноватый, день был метелисто-порошистый, день февральский.*

В предложении есть оценочные прилагательные «*серый*», «*мутноватый*», «*метелисто-порошистый*», которые наряду со связкой «*был*» составляют предикаты предложения. Говорящий дает отрицательную оценку (*серый, мутноватый, метелисто-порошистый*) субъекту предложения (*день*).

Модальность выражается грамматической основой (слитная предикация) предложения. Глагольная связка «*был*» употреблена в прошедшем времени, изъявительном наклонении.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации и потенциальной предикации. Латентной предикации нет.

Оленька стала нарядная (Т. Толстая).

Данное предложение является семантически сложным. Первая пропозиция (основная) представлена в субъектно-предикатной форме: *Оленька стала нарядная*. Дополнительная пропозиция: *по мнению говорящего, стала нарядная не просто Ольга, а Оленька (говорящий относится к субъекту предложения ласкательно)*.

Оценочное слово «*Оленька*» с суффиксом субъективной оценки *-еньк-* в предложении участвует в формировании второго плана модальности, а значит, в оформлении латентной предикации (предикативный потенциал предложения становится выше). Говорящий положительно (*Оленька*) оценивает объект предложения (*Ольга*). Предикат предложения составляет связка «*стала*» наряду с оценочным прилагательным «*нарядная*».

Субъект речи в данном предложении приписывает субъекту предложения (*Ольга*) еще один оценочный признак (*нарядная*). Оценка положительная.

Модальность выражается грамматической основой предложения (основная пропозиция). Материально выраженная связка «*стала*» употреблена в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительная пропозиция – латентной предикацией (субъект предложения выражен оценочным словом).

Глаза ярые, кровавые... (И. Бунин)

Предложение с точки зрения семантической структуры является полипропозициональным, т.к. содержит две пропозиции: *глаза ярые, глаза кровавые*.

Оценочные прилагательные «ярые» и «кровавые» составляют предикаты предложения наряду с нулевой связкой.

Говорящим субъекту предложения (*глаза*) приписываются оценочные признаки (*ярые, кровавые*). Оценка отрицательная. Это подтверждает и широкий контекст (*Он сам, этот волк, во весь свой рост и склад написанный: сидит в серой шубе на густом хвосту и весь тянется вверх, упирается передними лапами в землю – так и зарит в глаза: ожерелок седой, остистый, толстый, голова большая, остроухая, клыками оскаленная... Глаза ярые, кровавые...).*

Модальность выражается грамматической основой предложения. Нулевая связка указывает на изъявительное наклонение, настоящее время.

Данное предложение с точки зрения пропозиционального плана является полипропозициональным, а значит, полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Он начинал чувствовать себя красивым, бодрым, манерным (И. Бунин).

Предложение является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций: *он начинал чувствовать себя красивым, он начинал чувствовать себя бодрым, он начинал чувствовать себя манерным*.

В предикаты предложения входят вспомогательный глагол «начинал», связка «чувствовать себя» и прилагательные «красивый», «бодрый», «манерный» (составное именное сказуемое осложненного типа, по терминологии П. А. Леканта).

Прилагательные «красивый», «бодрый», «манерный» являются оценочными. Говорящий наделяет субъект предложения (*он*) положительной характеристикой (*красивый, манерный, бодрый*). Положительная оценка

подтверждается широким контекстом (*В июне, из имени матери, студент вступал на некоторое время в жизнь совсем иную, в удовольствии большого достатка. Он начинал чувствовать себя красивым, бодрым, манерным*).

Модальность в предложении выражается грамматической основой (*слитная предикация*) посредством вспомогательного глагола «*начинал*». Вспомогательный глагол употреблен в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание с точки зрения пропозиционального плана является полипропозициональным, а значит, полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Но он хотел бы быть добрым, великодушным, беззаботным...(И. Бунин)

Семантическая структура предложения представлена несколькими пропозициями: *он хотел бы быть добрым, он хотел бы быть великодушным, он хотел бы быть беззаботным*.

В предикаты предложения входят вспомогательный глагол «*хотел бы*», связка «*быть*» и прилагательные «*добрый*», «*великодушный*», «*беззаботный*». Прилагательные «*добрый*», «*великодушный*», «*беззаботный*» являются оценочными. Говорящий наделяет субъект предложения (*он*) положительной характеристикой.

Модальность в предложении выражается грамматической основой (*слитная предикация*) посредством вспомогательного глагола «*хотел бы*» с модальным значением. Глагол обозначает не реальное действие, а желаемое, возможное. Вспомогательный глагол употреблен в условном наклонении.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Дед стремился быть складным, точеным...(М. Горький)

Предложение является полипропозициональным, т.к. содержит несколько пропозиций: *дед стремился быть складным, дед стремился быть точеным.*

В предикаты предложения входят вспомогательный глагол «*стремился*» (с модальным значением), связка «*быть*» и прилагательные «*складный*», «*точеный*» (составное именное сказуемое осложненного типа, по терминологии П. А. Леканта).

Прилагательные «*складный*», «*точеный*» являются оценочными. Говорящий наделяет субъект предложения (*дед*) положительной характеристикой. Положительная оценка подтверждается широким контекстом (*Семья живет в достатке, и дед пока всем доволен. Дед стремился быть складным, точеным.*).

Модальность в предложении выражается грамматической основой предложения (*слитная предикация*) посредством вспомогательного глагола «*стремился*». Вспомогательный глагол употреблен в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного плана предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

На основе проведенного анализа предложений с предикатом, выраженным оценочным прилагательным, мы сделали несколько выводов: во-первых, оценочные прилагательные могут употребляться как в полной форме, так и краткой форме, а также в форме степеней сравнения; во-вторых, оценочные прилагательные, будучи включенными в предложение и входящие в предикат предложения наряду с глаголами-связками (нулевыми или материально выраженными), а также вспомогательными глаголами, не участвуют в формировании дополнительного плана модальности (оценочные прилагательные являются компонентами основной предикации); в-третьих,

оценочные прилагательные, выступающие в роли предиката, не являются выразителями дополнительной пропозиции и компонентами латентной предикации. Модальность предложения выражается глагольными связками в форме наклонения и в форме времени. Усложнение пропозиционального и предикативного планов предложения происходит в тех случаях, когда предложение включает помимо основной предикации другие виды предикации.

§ 5. Оформление предикации в предложении с предикатом, выраженным оценочным глаголом.

Рассмотрим, как оформляется предикация в двусоставных предложениях с оценочным словом в роли предиката предложения, выраженного глаголом, какова при этом семантическая структура предложения и каков модальный план предложения. Очень важным моментом при анализе оценочных глаголов является соотношение «оценки» и «метафоры». По словам Н. Д. Арутюновой, «механизм образования глагольной метафоры является сложным. По своей природе она изначально когнитивна, поскольку из средств создания образа метафора превращается в способ формирования новых концептов, исходя из уже сформированных понятий. В метафорических значениях глаголы переходят в сферу психических состояний, межличностных отношений и приобретают оценочные коннотации (Арутюнова, 1978, с. 336). На наш взгляд, все метафорические глаголы являются оценочными, т.к. говорящий посредством принципа сравнения, лежащего в основе метафоры, характеризует лицо, социум, свойства личности, поступки и т.д. со своих позиций.

Рассмотрим примеры.

А тут казаки шляются рядом (А. Платонов).

Данное высказывание является монопропозициональным, т.к. в нем представлена одна пропозиция: *казаки шляются*. Данная основная пропозиция

представлена примарной (основной) предикацией, формально воплощена в грамматической основе предложения.

Действие, выраженное глаголом «*шляются*» («шляться – ходить, бродить (сниж.)» [Ефремова, 2000, Ожегов, Шведова, 1993]), происходит как реальное, представленное с позиции говорящего (им охарактеризованное). Оценка отрицательная (*А тут казаки шляются рядом. В такое время... В такое время... Он боялся, что в беде революции быстро погибнет его рождающийся ребенок... Плохо нам будет!*).

Модальность выражается грамматической основой (основная пропозиция, основная предикация) с помощью предиката в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Предложение является монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией. Латентной предикации нет.

За домом волновался сад... (И. Бунин)

Данное высказывание содержит одну (основную) пропозицию (*сад волновался*).

Говорящий выражает действие метафорически посредством глагола «*волновался*» («волноваться – испытывать душевное волнение» [Ожегов, Шведова, 1993; Ефремова, 2000; Лопатин, Лопатина, 2004]). Модальность выражается грамматической основой предложения. В функции предиката выступает глагол в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Высказывание является монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией. Латентной предикации нет.

Она и меня-то тоже ненавидит... (В. Шукшин)

Предложение содержит одну пропозицию, представленную основной предикацией.

Действие, выраженное глаголом «*ненавидит*», происходит как реальное, представленное с позиции субъекта речи (им охарактеризованное). Говорящий

характеризует это действие как отрицательное. Модальность в данном предложении выражается грамматической основой *«она ненавидит»*.

Предложение является монопропозициональным и монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией. Латентной предикации нет.

А вы хихикаете... (В. Шукшин)

Семантическая структура данного высказывания представлена одной пропозицией: основной пропозицией (*вы хихикаете*). Основная пропозиция представлена основной предикацией.

Действие, выраженное глаголом *«хихикаете»* («хихикать – смеяться исподтишка» [Ожегов, Шведова, 1993; Ефремова, 2000; Лопатин, Лопатина, 2004]), происходит как реальное, представленное с позиции субъекта речи (им охарактеризованное). Оценка отрицательная (*Тоска меня берет по родине, а вы надо мной посмеиваетесь... А вы хихикаете...*). Модальность выражается грамматической основой предложения. В роли предиката предложения выступает глагол *«хихикаете»* в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Предложение является монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*вы хихикаете*). Латентной предикации нет.

Дедушка не любил этот дом (М. Горький).

Пропозициональный план данного предложения представлен одной пропозицией. Это основная пропозиция: *«дедушка не любил»*.

Действие, выраженное глаголом *«не любил»*, происходит как реальное, представленное с позиции субъекта речи (им охарактеризованное). Субъект речи характеризует действие как отрицательное за счет включения в предложение отрицательной частицы *«не»*, хотя само слово *«любил»* имеет положительное значение.

Модальность в предложении выражается грамматической основой (*основная предикация*). Глагол «любил» употреблен в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Высказывание является монопредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*дедушка не любил*). Латентной предикации нет.

Теплый воздух с нежной лаской гладил его щеки (А. Куприн).

Данное предложение является семантически сложным, т.к. в нем можно выделить несколько пропозиций. Основная пропозиция представлена грамматической основой «*воздух гладил*». Есть и дополнительные пропозиции: «*воздух теплый*»; «*ласка нежная*».

Субъект речи использует метафору для обозначения действия («*гладил*»). «Гладить – делать гладким с помощью утюга; ласкать» (Ефремова, 2000; Лопатин, Лопатина, 2004). Оценочные прилагательные «*теплый*» и «*нежная*», входящие в атрибутивные словосочетания (*теплый воздух, нежная ласка*), являясь основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, вносят в значение предложения добавочный оценочный признак, усиливая субъективно-модальный план предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения (основная предикация), где предикат предложения выражен глаголом в изъявительном наклонении прошедшего времени.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*воздух гладил*), дополнительные пропозиции – потенциальными предикациями (*воздух теплый, ласка нежная*). Латентной предикации нет.

И мои губы обжег торопливый, дрожащий шепот Олеси (А. Куприн).

Семантическая структура данного высказывания представлена несколькими пропозициями: основной пропозицией (*шепот обжег*) и дополнительными пропозициями (*шепот торопливый, шепот дрожащий*).

Основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные – потенциальными предикациями.

Оценочное значение глагола «обжег» («обжечь – подвергнуть действию огня; повредить огнем что-либо» [Ожегов, Шведова, 1993; Ефремова, 2000]) выражается метафорически, с позиции говорящего (*Твердил я шепотом и все сильнее сжимал ее руку. Она задохнулась, точно ей не хватало воздуха, и вдруг ее руки быстро и крепко обвили вокруг моей шеи. И мои губы обжег торопливый, дрожащий шепот Олеси*).

Оценочные прилагательные «торопливый» и «дрожащий», являясь основными лексическими средствами выражения оценочной (субъективной) модальности, усиливают субъективно-модальное значение предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения. В роли предиката предложения выступает глагол «обжег» в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Латентной предикации нет.

Ее миленький голосок дрожал от волнения (А. Куприн).

Предложение является полипропозициональным, т.к. в нем представлено несколько пропозиций: основная пропозиция («голосок дрожал»), дополнительные («голосок миленький» и «голос как голосок – с точки зрения говорящего»).

Действие, выраженное глаголом «дрожал» («дрожать – прийти в дрожь» [Ожегов, Шведова, 1993; Ефремова, 2000]), происходит как реальное, представленное с позиции говорящего (им охарактеризованное).

Слово с оценочным значением «голосок» участвует в оформлении латентной предикации, которая накладывается на основную. Оценочное существительное расширяет предикативный потенциал предложения, оказавшись в структуре высказывания, а также способствует формированию второго слоя модальности. Субъект речи приписывает оценочный признак

(голосок) субъекту предложения (голос). Субъект предложения получает положительную характеристику. С помощью суффикса субъективной оценки *-ок-* образовано слово с уменьшительно-ласкательным значением (голосок).

Прилагательное «*миленький*» является оценочным и относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности; усиливает субъективно-модальный план предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения, где предикат выражен глаголом в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Таким образом, данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*голосок дрожал*), дополнительные пропозиции – латентной предикацией (*голос назван голоском, с точки зрения говорящего*) и потенциальной предикацией (*голосок миленький*).

Мать любовалась своим ребенком (А. Платонов).

Данное предложение содержит две пропозиции. Одна из них является основной и представлена предикативной структурой предложения (*мать любовалась*), другая – дополнительная (*ребенок свой*). Основная пропозиция соотносится с основной предикацией, дополнительная – с потенциальной предикацией.

Действие, выраженное глаголом «*любовалась*», происходит как реальное, представленное с позиции говорящего (им охарактеризованное). Посредством оценочного глагола (предиката предложения), употребленного в изъявительном наклонении, прошедшем времени, выражается модальность.

Предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Латентной предикации нет.

По грязноватым залам бродили стаями полупомешанные старухи и, завывая, проклинали большевиков (Н. Чуковский).

В данном предложении несколько пропозиций: *старухи бродили; старухи проклинали; старухи полупомешанные; залы грязноватые; поэтессы [по контексту] – старухи; старухи завывали.*

Действия, выраженные глаголами «бродили» и «проклинали», происходят как реальные, представленные с позиции субъекта речи (им охарактеризованные). Оценка отрицательная.

Модальность выражена грамматической основой, включающей оценочные предикаты предложения (глаголы в изъявительном наклонении, прошедшем времени).

Оценочные прилагательные «полупомешанные» и «грязноватые», а также деепричастие «завывая» относятся к основным лексическим средствам выражения оценочной (субъективной) модальности и являются усилителями субъективно-модального плана предложения.

Контекстуально оценочное существительное «старухи», являясь выразителем оценочной (субъективной) модальности, участвует в оформлении латентной предикации. Этот скрытый слой предикации накладывается на основную предикацию. Субъекту предложения (*поэтессы*) приписывается оценочный признак (*старухи*) субъектом речи в контексте. Предикативный потенциал становится выше, т.к. присутствует оценочное слово в роли субъекта предложения. Появляется второй план модальности. Субъект предложения получает отрицательную характеристику в данном контексте.

Таким образом, предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Степень предикативности данного предложения является высокой, т.к. в предложении содержится несколько предикаций (слитная [*старухи бродили и проклинали*], добавочная [*старухи завывали*], потенциальные [*старухи полупомешанные; залы грязноватые*], латентная [*поэтессы – старухи*]).

Толпа все жуужжала и неслась (Т. Толстая).

Пропозициональный план данного предложения представлен несколькими пропозициями. Две пропозиции (*толпа жужжала; толпа неслась*) реализуются слитной предикацией; дополнительная «*народ как толпа – по мнению говорящего*» реализуется латентной предикацией.

Действия, выраженные глаголами «*жужжала*» и «*неслась*», происходят как реальные, представленные с позиции субъекта речи (им охарактеризованные). Субъект речи характеризует действие как отрицательное (*Толпа все жужжала и неслась. Это народ прибывал как мусор из пылесоса...*).

Модальность в предложении выражается грамматической основой предложения (*слитная предикация*). Глаголы употреблены в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Контекстуально оценочное слово «*толпа*» [относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности] расширяет предикативный потенциал предложения и участвует в формировании дополнительного плана модальности. Говорящий дает отрицательную оценку (*толпа*) субъекту предложения (*народ*), т.е. *несся не народ, а толпа (с точки зрения говорящего)*.

Таким образом, данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного планов предложения происходит за счет слитной и латентной предикаций (субъект предложения выражен оценочным словом).

И как рывкнул он однажды, выслушав речь Кузьмы «о просвещении без наук»... (И. Бунин)

Семантическая структура данного высказывания представлена двумя пропозициями. Основная пропозиция (*он рывкнул*) и дополнительная пропозиция (*он выслушал*) представлены основной и добавочной предикациями соответственно.

Действие, выраженное глаголом «*рявкнул*» («*рявкнуть* – издать громкий, низкий звук» [Ефремова, 2000; Словарь русского языка по ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984; Ожегов, Шведова, 1993]), происходит как реальное, представленное с позиции субъекта речи (им охарактеризованное).

Предикат предложения, входящий в грамматическую основу (основная пропозиция, основная предикация) и выраженный глаголом в изъявительном наклонении, прошедшем времени, является выразителем модальности.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительная пропозиция представлена добавочной предикацией. Латентной предикации нет.

Листва вздыхала и шепталась... (М. Горький)

Предложения относятся к полипропозициональным: *листва вздыхала и листва шепталась*.

Оценочное значение глаголов «*вздыхала*» («*вздыхать* – делать вздохи, тосковать, горевать» [Ефремова, 2000]) и «*шепталась*» («*шептаться* – тихо разговаривать» [Ожегов, Шведова, 1993; Ефремова, 2000]) выражается метафорически, с позиции говорящего. Модальность выражается грамматической основой предложения посредством предиката, выраженного глаголами в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Предложение является полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного планов предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Самосвал взревел и понесся прямо по степи... (В. Шукшин)

Данное предложение с точки зрения семантической структуры содержит две пропозиции: *самосвал взревел и самосвал понесся*.

Оценочное значение глагола «*взревел*» выражается метафорически, представлено с позиции субъекта речи. Оценка отрицательная (*Самосвал*

взревел и понесся прямо по стени. Труженник-самосвал, как разъяренный бык, ударил ее в бок, опрокинул и стал над ней).

Предикаты предложения, являющиеся компонентами слитной предикации и выраженные глаголами в изъявительном наклонении, прошедшем времени, выражают модальность.

Высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного планов предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Глаза ее прямо сияли от неподдельной радости (В. Шукшин).

Семантическая структура данного высказывания представлена двумя пропозициями: основной пропозицией (*глаза сияли*) и дополнительной пропозицией (*радость неподдельная*). Основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительная – потенциальной предикацией.

Глагол «*сияли*» является образным выражением мысли субъекта речи. Оценочное значение данного глагола имеет метафорическое выражение. Оценка положительная (*Очень обрадовалась Егору скуластенькая женщина. Она повисла у него на шее. И всего исцеловала. Глаза ее прямо сияли от неподдельной радости*).

Оценочное слово «*неподдельная*», являясь основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности, вносит в значение предложения дополнительный оценочный признак, усиливая субъективно-модальный план предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения. В роли предиката предложения выступает глагол «*сияли*» в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительная пропозиция представлена потенциальной предикацией. Латентной предикации нет.

Улица оживает, смеется, кричит (М. Горький).

Предложение имеет несколько пропозиций (*улица оживает, улица смеется, улица кричит*), которые реализуются слитной предикацией.

Говорящий выражает действие с помощью метафорических глаголов «*смеется*», «*оживает*», «*кричит*», характеризуя это действие как отрицательное (*Улица оживает, смеется, кричит. Из кабака лезут тёмные люди, орут, храпят, размахивают руками; из окон домов высовываются человечьи головы...*).

Модальность в данном предложении выражается грамматической основой (слитная предикация), где предикат предложения выражен глаголами в изъявительном наклонении, настоящем времени.

Предложение является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозиционального и предикативного планов предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Глаза, задумчиво светясь, ласкают меня (М. Горький).

Данное предложение содержит две пропозиции. Одна из них является основной и представляет собой предикативную структуру предложения (*глаза ласкают*), другая – дополнительная (*глаза светятся*). Основная пропозиция представляет основную предикацию, дополнительная – добавочную предикацию.

Оценочное значение глагола «*ласкают*» имеет метафорическое выражение. Характеристика положительная. Предикат предложения, являющийся элементом основной предикации и выраженный глаголом в изъявительном наклонении, настоящем времени, выражает модальность.

Деепричастный оборот усиливает субъективно-модальный план предложения.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной

предикацией, дополнительная пропозиция представлена добавочной предикацией. Латентной предикации нет.

Он кипел и вздрагивал от оскорбления... (М. Горький)

Данное предложение с точки зрения семантической структуры содержит две пропозиции (*он кипел* и *он вздрагивал*), которые реализуются слитной предикацией.

Оценочное значение глагола «*кипел*» («кипеть – бурлить, быть охваченным страстью, чувством» [Ефремова, 2000]) выражается метафорически, представлено с позиции субъекта речи. Оценка отрицательная (*Он кипел и вздрагивал от оскорбления, он во время разговора с ним презирал, а теперь сразу возненавидел...*).

Модальность выражается грамматической основой предложения. В роли предиката предложения выступают глаголы в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Предложение является полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Страшный ветер выл и ревел, и толкал меня в спину... (М. Горький)

В данном предложении есть несколько пропозиций: *ветер выл*; *ветер ревел*; *ветер толкал*; *ветер страшный*.

Оценочное значение глаголов «*выл*» («выть – издавать вой, перен. громко плакать, рыдать» [Ожегов, Шведова, 1993]), «*ревел*» («реветь – громко говорить, плакать» [Ожегов, Шведова, 1993]) и «*толкал*» («толкать – наносить удар, перен. побуждать к чему-либо» [Ожегов, Шведова, 1993]) выражается метафорически, представлено с позиции субъекта речи. Оценка отрицательная.

Модальность выражена грамматической основой через предикат предложения, употребленный в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Оценочное прилагательное «*страшный*» относится к основному лексическому средству выражения оценочной (субъективной) модальности и является усилителем субъективно-модального плана предложения.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной предикации, потенциальной предикации. Латентной предикации нет.

Девочка опять залопотала на своем маленьком, смешном языке (В. Шукшин).

Семантическая структура данного высказывания представлена тремя пропозициями: основной пропозицией (*девочка залопотала*) и дополнительными пропозициями (*язык смешной, язык маленький*). Основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные – потенциальными предикациями.

Действие, выраженное глаголом «*залопотала*», происходит как реальное, представленное с позиции субъекта речи. Оценка положительная (*Девочка опять залопотала на своем маленьком, смешном языке. Сашку вдруг изумило и то, что она, крохотуля, почему-то смолкала, когда он объяснялся с дядями...*).

Оценочные слова «*маленький*» и «*смешной*», являясь основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности, вносят дополнительный оценочный признак, усиливая субъективно-модальное значение предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения. В роли предиката предложения выступает глагол «*залопотала*» в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные пропозиции представлены потенциальными предикациями. Латентной предикации нет.

Так и душа промерзла, сжалась... (В. Шаламов)

Предложение представлено двумя пропозициями (*душа промерзла, душа сжалась*), которые реализуются слитной предикацией.

Говорящий выражает действие посредством метафорических глаголов «*промерзла*» и «*сжалась*» и характеризует это действие как отрицательное (*Так и душа промерзла, сжалась, она навсегда останется холодной. Все эти мысли были у Поташикова раньше – теперь не оставалось ничего, кроме желания перетерпеть, переждать мороз живым...*).

Модальность в данном предложении выражается грамматической основой. Оценочные глаголы употреблены в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное высказывание является полипропозициональным и полипредикативным. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет слитной предикации. Латентной предикации нет.

Какая-то несчастнейшая старушонка нялилась на меня, морщась от жалостных слез... (И. Бунин)

Данное высказывание является семантически сложным, т.к. в нем содержится несколько пропозиций: основная пропозиция, развернутая в субъектно-предикатную форму и представленная основной предикацией (*старушонка нялилась*); дополнительные пропозиции (*старушонка несчастнейшая, слезы жалостные*), представленные потенциальной предикацией. В данном высказывании имеется еще две дополнительных пропозиций (одна из них выражена деепричастным оборотом [*морщась от жалостных слез*] и представлена добавочной предикацией, другая (*старуха [по контексту] – старушонка [по мнению говорящего]*) – латентной предикацией.

Слово с оценочным значением «*старушонка*» участвует в оформлении латентной предикации, которая накладывается на основную. Оценочное существительное расширяет предикативный потенциал предложения,

оказавшись в структуре высказывания, и участвует в формировании второго слоя модальности. Субъект речи приписывает оценочный признак (*старушонка*) субъекту предложения (*старуха*). Субъект предложения не получает отрицательную характеристику, несмотря на то, что само слово «*старушонка*» имеет отрицательное значение («*Старушонка* – уничиж. к сущ. *старуха*» [Ефремова, 2000]).

Оценочный глагол «*пялилась*» в предложении является предикатом. Действие, выраженное глаголом «*пялилась*», происходит как реальное, представленное с позиции субъекта речи (им охарактеризованное).

Модальность выражается грамматической основой (S и P), где в роли предиката предложения выступает глагол, употребленный в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией, дополнительные пропозиции представлены потенциальной предикацией, добавочной предикацией, латентной предикацией (субъект предложения выражен оценочным словом).

Прохладный воздух, наполненный нежным, тонким и радостным благоуханием белых цветов, потоком ворвался в комнату (А. Куприн).

Семантическая структура данного высказывания представлена несколькими пропозициями: основной пропозицией (*воздух ворвался*) и дополнительными пропозициями (*воздух прохладный; цветы белые; воздух наполнен благоуханием цветов; благоухание нежное, благоухание тонкое, благоухание радостное*).

Оценочное значение глагола «*ворвался*» выражается метафорически, с позиции говорящего.

Слова «*прохладный*», «*белые*», «*нежное*», «*тонкое*», «*радостное*» являются оценочными. Оценочные прилагательные, являясь основным лексическим средством выражения оценочной (субъективной) модальности, и

причастный оборот вносят дополнительный оценочный признак, усиливая субъективно-модальный план предложения.

Модальность выражается грамматической основой предложения. В роли предиката предложения выступает глагол «*ворвался*» в изъявительном наклонении, прошедшем времени.

Данное предложение является полипропозициональным и полипредикативным: основная пропозиция представлена основной предикацией (*воздух ворвался*), дополнительные пропозиции представлены потенциальными предикациями (*воздух прохладный; цветы белые; благоухание нежное, благоухание тонкое, благоухание радостное*), добавочной предикацией (*воздух наполнен благоуханием цветов*). Латентной предикации нет.

На основе проведенного анализа предложений, в которых предикат выражен оценочным глаголом, мы пришли к выводу о том, что оценочные слова в таких случаях не участвуют в формировании дополнительного плана модальности (хотя формируют оттенок субъективной модальности), не осложняют пропозициональный план предложения и его предикативную структуру. Модальность выражается грамматической категорией наклонения. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения может происходить за счет других видов предикации (в том числе за счет латентной предикации, если субъект / объект – оценочное слово).

Выводы по главе II

1. Оценочные слова, будучи включенными в высказывание и выступающие в функции субъекта предложения и (или) объекта предложения, являются выразителями дополнительной пропозиции, а также являются выразителями оценочной (субъективной) модальности и компонентами латентной предикации. Предложения, включающие несколько оценочных слов,

отличаются высоким предикативным потенциалом. Оценочная характеристика в большей мере касается человека, поэтому именно личные существительные с оценочным значением, выступающие в качестве объекта предложения или (и) в роли субъекта предложения, способствуют усилению модально-предикативного значения предложения. В предложениях, где в роли субъекта и (или) объекта предложения выступает метафорически личное существительное, субъективный модально-предикативный потенциал высок (так как субъективное оценочное значение преобладает в словах-метафорах).

2. Оценочные слова, выступающие в роли предиката предложения, участвуют в оформлении примарной (основной) предикации, входят в состав предикативной основы предложения. Оценочные слова, включенные в предложение и выступающие в функции предиката предложения, не участвуют в формировании дополнительного плана модальности, не осложняют пропозициональный план предложения и его предикативную структуру. Усложнение пропозициональной и предикативной структуры предложения происходит за счет других видов предикации (включая латентную предикацию).

3. В двусоставных предложениях, содержащих оценочное слово в роли предиката, модальность выражается грамматической категорией наклонения.

Заключение

Проведенное исследование было направлено на выявление предикативного потенциала двусоставных предложений, в которых в качестве субъекта /объекта / предиката функционирует оценочное слово.

Нами было исследовано, как та или иная оценочная единица приспособлена выражать модальность и участвовать в оформлении предикации. Мы выделили основные и дополнительные средства выражения оценочной (субъективной) модальности на разных уровнях языка (оценочные слова, интонация, междометия, модальные частицы и др.). В качестве основного средства оценочной модальности рассматривались оценочные слова.

Нами установлено, что оценочные слова полифункциональны:

- 1) являются единицами номинации;
- 2) являются средством оценочной модальности;
- 3) являются средством оформления предикации (т.е. содержат предикативный потенциал).

Анализ фактического материала (предложений как речевых единиц) привел нас к выводу о том, что в предложениях, содержащих оценочный компонент, модальный и предикативный план не одинаков; он зависит от того, в качестве какого компонента предложения выступает оценочное слово:

1. Оценочные слова, будучи включенными в высказывание и выступающие в функции субъекта предложения и объекта предложения, являются выразителями оценочной (субъективной) модальности. Оценочные слова, выступающие в роли субъекта и объекта предложения, являются выразителями дополнительной пропозиции, компонентами латентной предикации и участвуют в формировании второго плана модальности – при этом происходит осложнение пропозиционального плана предложения и его предикативной структуры.

2. Мы установили роль оценочного слова в оформлении предикации двусоставного предложения, в котором оценочное слово является предикатом. Предикат может представлять собой оценочное слово, являющееся существительным, прилагательным (входит в структуру составного именного сказуемого) и глаголом. Как показало наше исследование, оценочные слова, включенные в предложение и выступающие в функции предиката бисубстантивного предложения, не участвуют в формировании дополнительного плана модальности, не являются выразителями дополнительной пропозиции и компонентами латентной предикации. Оценочная модальность (аспект модальности) выражается предикатом, который представляет собой сочетание оценочного слова (существительного) с глагольной связкой в том или ином наклонении, – т.е. грамматически. Оценочные слова, выраженные прилагательными, включенные в предложение и входящие в предикат предложения, не участвуют в формировании второго плана модальности, не являются презентантами дополнительной пропозиции и элементами латентной предикации. Модальность выражается глагольными связками в форме наклонения (реальная модальность – в форме времени). Глагол с оценочным значением, включенный в предложение и выступающий в роли предиката, также не участвует в формировании дополнительного плана модальности (глагол является выразителем основной модальности), не является выразителем дополнительной пропозиции и компонентом латентной предикации. Модальность выражается оценочным глаголом в форме того или иного наклонения. Оценочные слова, выступающие в предложении в функции предиката, относятся к основному средству выражения оценочной модальности и предикации.

3. Модально-предикативный потенциал предложений с личным существительным (в роли субъекта предложения) достаточно высок. Как правило, в роли субъекта предложения выступают существительные ёмкие по выражению оценочного значения, не требующие дополнительного контекста. В

некоторых случаях коннотативное оценочное значение слова, субъекта предложения, поддерживается контекстом, за счет этого степень общей модальности предложения становится выше. Метафорическое обозначение субъекта предложения усиливает оценочное значение субъекта (имплицитно – добавочного предиката), тем самым повышая модально-предикативный фон предложения. Оценочная характеристика в большей мере касается человека, поэтому именно личные существительные с оценочным значением, выступающие в роли субъекта предложения и (или) объекта предложения, способствуют усилению модально-предикативного значения предложения. Модально-предикативный потенциал предложений, где в качестве субъекта предложения выступает личное местоимение, а в роли объекта предложения – личное существительное, высок.

4. Субъект предложения, выраженный местоимением «я», и субъект речи (говорящий) совпадают, поэтому в данном случае можно говорить об общем субъективном модальном плане предложения. В предложениях, где субъект предложения выражен существительным или местоимением 3 лица, а объект – оценочным словом, латентная предикация выражает отношение «приписывание признака» объекту либо со стороны субъекта предложения, либо со стороны и субъекта речи, и субъекта предложения. Это зависит от контекста.

5. Нами доказано, что оценочные слова (сами по себе не выражающие модального значения), включенные в высказывание, становятся выразителями оценочной (субъективной) модальности только в том случае, когда выступают в функции субъекта и (или) объекта предложения. Включение в предложение оценочного слова в роли субъекта и/или объекта предложения влияет на изменение семантической структуры предложения: появляется дополнительная пропозиция, что отражается на предикативном потенциале предложения (он повышается за счет латентной предикации, не имеющей полного формального

предикативного выражения). Многие безоценочные слова способны приобретать оценочное значение в контексте.

Латентная предикация, как самостоятельный вид предикации, осуществляется наряду с основной предикацией – в таком случае предложение становится полипропозициональным и полипредикативным. Латентная предикация может сочетаться в предложении с другими видами предикации.

Данное исследование имеет не только теоретическую значимость (вклад в разработку теории предикации), но и практическую значимость (положения, выводы и результаты диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения предложения в разных аспектах).

В задачи нашего исследования не входило подробное изучение всех средств оценочной модальности – рассматривались в качестве средств оценочной модальности главным образом лексические единицы, функционирующие в двусоставном предложении. В перспективе возможно изучение расширенного арсенала средств оценочной модальности в аспекте функционирования их как единиц, оформляющих предикацию в предложениях других типов.

Список литературы

- 1) Агеева И.В. К вопросу о языковой категории модальности. – Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.lingvomaster.ru/articles.php?get=147>.
- 2) Адмони В.Г. О модальности предложения// Уч. записки ЛГТШ им. А.И.Герцена. – Л.,1956. – Т.21. – С. 39-45.
- 3) Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // Ceskoslovenskarasistka. – 1968. – №2. – С. 88 – 94.
- 4) Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. – Л.: «Наука», 1973. – 366 с.
- 5) Аренова М.Ж. Оценочные высказывания, регулирующие межличностные отношения: автореф дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2005.
- 6) Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. – 1971. – №1. – С. 54–64.
- 7) Алтабаева Е.В. Участие форм сослагательного наклонения в выражении модальной семантики желательности // Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой: монография / под ред. П.А. Леканта. – М., 2006.
- 8) Анисимова Л.В. Вводно-модальные слова в их отношении к структуре предложения: автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Воронеж, 1982. – 20 с.
- 9) Артюшков И.В. Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого). – М., 2003. – 348 с.
- 10) Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М., 1976. – 383 с.
- 11) Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.

- 12) Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры// Известия Академии наук СССР. – М.: Наука, 1978. – Т. 37. – №4. – С. 333-343.
- 13) Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 486 с.
- 14) Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства в тексте // Оценка и ценности в современном научном познании. – Ч.1. – Калининград, 2009. – 227 с.
- 15) Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.
- 16) Барчунов В.Б. О некоторых лексико-грамматических чертах модальных слов // Материалы конференции по казахской и русской филологии. – Алматы, 1962. – С. 62–71.
- 17) Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). — М., 1967. — 160 с.
- 18) Беляева Е.И. Поле императивной модальности в английском языке: грамматический и прагматический аспекты// Функционально-типологические аспекты анализа императива. Грамматика и типология повелительных предложений. — М.: ИЯ АН СССР, 1990. – Часть I. – С. 4-8.
- 19) Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж, 1985. – 180 с.
- 20) Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
- 21) Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 67–71.
- 22) Блох М.Я. Диктема в уровневой системе языка // Вопросы языкознания.— 2000. —№4.
- 23) Богданов В. В. О перспективах изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. – Калинин, 1982.
- 24) Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.

- 25) Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки, 1979. – № 2. – С. 54-61.
- 26) Бондарко А.В. Грамматические категории и контекст. – Л., 1971.
- 27) Бондарко А.В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос. – СПб., 2001. – С. 34–40.
- 28) Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л: Наука, 1984. –136 с.
- 29) Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / под редакцией Н.С. Валгиной. – изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
- 30) Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 2000.
- 31) Валимова Г.В. Функциональные типы сложного предложения в современном русском языке: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 1967.
- 32) Васильев Л.М. Модальные слова в их отношении к структуре предложения // Ученые записки Башкирского университета, 1973. – С. 5 - 60.
- 33) Ваулина С.С., Ткаченко А.И. Особенности соотношения объективной и субъективной модальности в газетно-публицистическом тексте // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010 – С. 58 – 64.
- 34) Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект).– Калининград, 1993. – 70 с.
- 35) Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурно сопоставительном аспекте // Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 647 с.
- 36) Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
- 37) Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке//Труды Ин-та русского языка. –1950. – Вып.2. – С. 38 – 79.
- 38) Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – 639 с.

- 39) Владимирова Л.В. Оценочная функция кавычек в языке средств массовой информации // Средства массовой информации в современном мире: тезисы науч. практич. конференции. – СПб, 1999. – 239 с.
- 40) Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 246 с.
- 41) Всеволодова М.В. Синтаксемы и строевые категории предложения в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса (к вопросу о предикативности, предикации, и членах предложения) // Вестник Московского университета, 2000. — №1. — С. 75-95.
- 42) Гак В. Г. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996. – С. 20–31.
- 43) Галкина - Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.
- 44) Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. – М., 1962. – Часть II. – 629 с.
- 45) Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.— М.: Наука, 1981. – 138 с.
- 46) Гвоздев А.Н. Современный русский язык. – М., 1958. – Ч. 2. – 164 с.
- 47) Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. – М., 2012.
- 48) Герасименко Н.А. Бисубстантивный тип русского предложения. – М., 1999.
- 49) Горельникова Ю.А. Выражение модального значения «кажимости» в структуре предложения: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1993.–18 с.
- 50) Грамматика русского языка. – М., 1960. – Т. 2. – 140 с.
- 51) Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. –767 с.
- 52) Грeпл М. О сущности модальности. – М.,1978. – 201 с.
- 53) Гуревич В.В. Модальность, истинное значение, референция // Вопросы языкознания. – 1989. – №6. – С.95–101.

- 54) Гуревич В.В. О субъективном компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. – 1998. – №1. – С. 27–35.
- 55) Гусева Я.Л. Актуальные аспекты синтаксического поля модальности: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Таганрог, 1996. – 18 с.
- 56) Дешериева Т.И. О соотношении модальности и предикативности// Вопросы языкознания, 1987. –№ 1. –С. 14-19.
- 57) Дешериева Т.И. Категория модальности в нахских и иноструктурных языках. – М.: «Наука», 1988. – 207 с.
- 58) Дымарский М.Я. Предикация и предикативность// Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – СПб., 2013. – С. 81-86.
- 59) Егорова Е. Категория модальности в современных гуманитарных науках// Литература XX века: итоги и перспективы изучения. – М., 2006. – С. 9–12.
- 60) Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: КомКнига, 2006. – 248 с.
- 61) Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
- 62) Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: МГУ, 1976.
- 63) Зеленщиков А. В. Взаимодействие категорий: модальность и время. – Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI02/36.htm>
- 64) Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. – СПб., 1997. – 243 с.
- 65) Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке. – М., 1973.
- 66) Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка – М.: «Наука», 1973. – 368 с.
- 67) Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.
- 68) Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975. – С. 154–159.

- 69) Ильина Н.В. Структура и семантика оценочных конструкций. – М.: Русский язык, 1982. – 84 с.
- 70) Казанцева Ю.С. Вопрос о типах субъективной модальности в языках // Сопоставительная лингвистика. Бюллетень Института иностранных языков. – Екатеринбург, 2005. – Т.4. – С. 78–83.
- 71) Камынина А.А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. – М., 1974. – 52 с.
- 72) Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма и семантика // Филологические науки. – М., 2010. – № 2. – С. 13 – 21.
- 73) Касевич В.Б., Храковский В.С. Общие вопросы семантики конструкций с предикатным актантом// Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами: Материалы Всесоюзной конференции «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». – Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1981. – С. 7-23.
- 74) Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976.
- 75) Кочеткова Т. И. Словоупотребление как средство номинации и предикации в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005.
- 76) Кочеткова Т. И., Соловьева О. Н. Выражение субъективной модальности разноуровневыми языковыми средствами (на материале газет «Оренбуржье» и «Южный Урал»)// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2014. – № 12.
- 77) Краснова Т.И. Субъективность – модальность (Материалы активной грамматики). – СПб., 2002. – 189 с.
- 78) Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001. – 205 с.
- 79) Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта.— М.: Высшая школа, 1991.
- 80) Крылова-Самойленко О.А. О предикативности// Филологические науки, 1965. – № 1.

- 81) Кузнецова Н.Н. О предикации // Профессиональная подготовка и становление личности будущего специалиста в условиях обучения в гуманитарном ВУЗе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Анапа: 2008. – С. 118-122.
- 82) Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М., 1986. — 158 с.
- 83) Лаврентьев В.А. К вопросу о предикативном статусе категории синтаксического лица // European Social Science Journal. – №3 (19). – 2012. – С. 257-264.
- 84) Лаврентьев В.А. Предикативные личные формы личных глаголов // Acta Linguistica. – Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2007. – Vol. 1, №2. – С. 14-24.
- 85) Левичёва Е. В. Микрополе инфинитива в функционально-семантическом поле модальности (на материале брянских говоров): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Калининград, 2005. – 19 с.
- 86) Левонтина И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: ЯСК, 2006.
- 87) Леденёва В.В. О предикации в контекстах Н. С. Лескова // Тенденции развития грамматического строя русского языка. – М: МНУ, 1994. – С. 103-110.
- 88) Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: Средства номинации и предикации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 481 с.
- 89) Лекант П.А. Виды предикации и структура простого предложения // Лингвистический сборник. – М., 1975.
- 90) Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения// Очерки по грамматике русского языка. — М.: Изд-во МГОУ, 2002. – С. 102-113.
- 91) Лекант П.А. Модальность и вводность // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 124–126.

- 92) Лекант П.А. Модальные значения своевременности/несвоевременности действия // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст. – М., 2005. – С. 3–5.
- 93) Лекант П.А. О грамматической форме инфинитивного предложения // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. — М., 2006. – С. 3-7.
- 94) Лекант П.А. О форме именного сказуемого с аналитической связкой // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002.
- 95) Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания. – М., 1986. – 115 с.
- 96) Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1983.
- 97) Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.
- 98) Лекант П.А. Экспрессивное утверждение с участием *не* // Русский язык в системе славянских языков: история и современность (выпуск II): сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2008. – 105 с.
- 99) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- 100) Литвин Ф.А. О степенях предикативности // Филологические науки. – №4. – 1984. – С. 43–49.
- 101) Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. – М.: Наука, 1979. – 198 с.
- 102) Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2004.
- 103) Ляпон М.В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1971.

- 104) Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Изв. АН ССР. Сер. лит. и языка. – 1971. – Т. 30. - Вып. 3. – 237 с.
- 105) Ляпон М.В. Модальность// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.,1990. – С. 303 – 304.
- 106) Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке. // Филологические науки, 1996.
- 107) Маркелова Т.В. Выражение оценки в русском языке // Русский язык в школе, 1995.
- 108) Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки, 1995. – № 3.
- 109) Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. – М.: Правда, 1996. – 87 с.
- 110) Мартыненко Н.Г. Оценочность в информационных материалах газеты // Журналистика в 1998 году: Тезисы науч. практич. конф./ МГУ им М.В. Ломоносова. – Москва, 1999. – С.30-32.
- 111) Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
- 112) Мецлер А.А. О лингвистическом статусе категории модальности // Филологические науки. – 1982. – № 4. – С. 66–72.
- 113) Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М., Л., 1945. –288 с.
- 114) Мещеряков В. Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки, 2001. – № 4.
- 115) Метельская Ж.З. Семантическая организованность фразеологизмов модального класса. – Челябинск, 2004.
- 116) Михайлова О.А. Модальная семантика как новый подход к пониманию древнерусских текстов (На примере модальных значений чаяния/отчаяния)// Материалы Первых Праславянских чтений. – М.,1998. – С. 67–73.
- 117) Москальская О.И. Грамматика текста.– М.: Высшая школа,1981.
- 118) Мухин А.М. Структуры предложения и их модели. – Л., 1968. – 230 с.

- 119) Мысли о современном русском языке: сборник статей / под ред. акад. В. В. Виноградова. – М: Просвещение, 1969. – 215 с.
- 120) Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. – Ростов н/Д., 1991. –186 с.
- 121) Немец Г.П. Грамматические средства выражения модальности в русском языке. – Харьков, 1991. – 163 с.
- 122) Немец Г.П. Семантико – синтаксические средства выражения модальности в русском языке. – Ростов н/Д., 1989. – 142 с.
- 123) Новикова О.В. Категория оценочности в языке прозы В.П. Некрасова: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Алматы, 1994.
- 124) Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. –4-е изд., М.: Высшая школа, 1993. – 944 с.
- 125) Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д- ра филол. наук. – М., 2011.
- 126) Осетров И.Г. Аспекты синтаксической модальности// Средства выражения предикативных значений предложения. – М., 1983. – С. 21-29.
- 127) Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985. – 272 с.
- 128) Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения// Известия АН СССР, 1984. –Т.43. –№4. – С.231-238.
- 129) Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения// Вопросы языкознания, 1977. – №4. – С. 37-48.
- 130) Панфилов В.З. Роль модальности в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания, 1977. – №4.
- 131) Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. – Новосибирск: «Наука» , 1982. – 160 с.
- 132) Петрушина М.В. Модальность, экспрессивность и эмоциональность высказывания с неодобрительной семантикой // Рациональное и эмоциональное

в языке и речи: грамматические категории и лексические единицы. – М., 2008. – С. 16–22.

133) Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.

134) Прияткина А. Русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1990. – 176 с.

135) Распопов И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной квалификации предложения // Синтаксис и интонация. – Уфа, 1973. – Вып. II.

136) Распопов И. П. К вопросу о предикативности // Вопросы языкознания. – М., 1958. – № 5.

137) Распопов И. П. Проблема предикативности в лингвистической литературе // Уч. записки Башкирского гос. ун-та. – Уфа, 1961. – Вып. 8. – № 2 (6).

138) Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. – Ростов на/Д., 1981. – 127 с.

139) Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

140) Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1980. – 714 с.

141) Сергиевская Л.А. Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1995. – №3. – С. 48-55.

142) Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 38 с.

143) Сергунина Т.А. Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // Русское языкознание. – Вып. 20. – Киев, 1990. – С. 108–114.

144) Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. – М., 1980.

145) Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.

146) Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.

147) Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1997.

148) Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII-XIII [1981-1982]. – М.: «Наука», 1984. – 170 с.

- 149) Солганик Г.Я. Модальные слова// Современный русский язык. – М., 1976. –С. 348-354.
- 150) Соловьева О. Н. Влияние оценочного слова на семантическую структуру предложения// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2014. – № 12.
- 151) Соловьева О. Н. О некоторых аспектах оценки в современном русском языке// Вестник ОГУ. – 2014. – № 4 (165). – С. 259-263.
- 152) Стеблин-Каменский М. И. О предикативности // Вестник ЛГУ, 1956. – № 20.
- 153) Стеблин-Каменский М. И. Предикативность? // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: Тезисы докладов. – Л., 1971.
- 154) Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семасиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
- 155) Стяжкин Н.И., Субботин А.Л. Префикабилии// Философская энциклопедия. – М., 1967. – Т. 4.
- 156) Сусов И.П. Предикат и предикация// Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 93—100.
- 157) Сусов И.П. Семантическая структура предложения: На материале простого предложения в современном немецком языке. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1973. – 141 с.
- 158) Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. – 51 с.
- 159) Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. – 251 с.
- 160) Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики 79 номинативных единиц языка. – М., 1986.

- 161) Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
- 162) Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н.Ушакова. – М., 1935-1940.
- 163) Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М., 2003.
- 164) Трофимова И.А. Субъективная модальность и оценка // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. – Калининград, 2002. – С. 8–11.
- 165) Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М., 1986. – 127 с.
- 166) Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет): Учебное пособие, 2000.
- 167) Федосюк М. Ю. Об изоморфизме плана содержания слова и предложения/ Модальность в языке и речи: Новые подходы к изучению. – Калининград, 2008. – С. 93-103.
- 168) Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2013. – с. 245.
- 169) Фефилов А.И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки, 1991. – № 1. – С. 64-73.
- 170) Филиппова О. Бисубстантивное предложение как продуктивный способ выражения авторской позиции в мемуарном тексте// Вестник МГОУ , 2013. – №4.
- 171) Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 1983.
- 172) Фурашов В.И. Субъективная модальность и обособление // Современный русский синтаксис. Избранные работы. – Владимир, 2010. – С. 318–334.
- 173) Харченко В.И. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слов // Русский язык в школе. – 1976. – №3. – С. 66–71.
- 174) Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990. – 180 с.

- 175) Хут С.М. Субъективная реализация модальности в разносистемных языках (на материале русского, французского и адыгейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1997. – 15 с.
- 176) Чернявская Е.А. К вопросу о семантике оценки и способам ее выражения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 2001. – 147 с.
- 177) Черняховская Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.
- 178) Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972.
- 179) Шапиро А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке // Филологические науки. – 1958. – № 4 – С. 20–26.
- 180) Шаповалова Т.Е. Выражение временных отношений в структуре простого предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
- 181) Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке. – М., 2000.
- 182) Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941. – 286 с.
- 183) Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.
- 184) Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960.
- 185) Шевякова И.А. Модальная квалификация противопоставления «утверждения-отрицания» в простом предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982. — 20 с.
- 186) Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. – М., 1988. – 416 с.
- 187) Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – М., Л., 1974. – 428 с.
- 188) Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М., 1974. – 255 с.

- 189) Palmer F. R. Modality and the English modals. – London, 1979.
- 190) Schmidt F. Logic der Syntax. – Berlin, 1962. – 183 s.

Список источников

- 1) Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы. – М: Эксмо, 2013. – 800 с.
- 2) Горький М. Макар Чудра и другие рассказы. – М: Детская литература, 1970. – 207 с.
- 3) Зощенко М. О чем пел соловей. Повести и рассказы. – М: Эксмо, 2003. – 800 с.
- 4) Куприн А.И. Избранное. – СПб: Лимбус Пресс, 2000. – 448 с.
- 5) Платонов А.П. Собрание сочинений в трех томах. – М: Советская Россия, 1984-1985.
- 6) Солженицын А. Рассказы. – М: ИНКОМ-НВ, 1991. – 288 с.
- 7) Толстая Т. Кысь. – М: Эксмо, 2003. – 368 с.
- 8) Трифонов Ю. Другая жизнь. – М: Известия, 1979. – 688 с.
- 9) Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. – М: Советский писатель, 1989. – 440 с.
- 10) Шаламов В. Колымские рассказы. – М., 2008.
- 11) Шукшин В.М. Избранные произведения в двух томах. – М: Молодая гвардия, 1975. – 496 с.